



След на воде

Роман Буревой  
**Путь в Беловодье**

«Автор»

2003

## **Буревой Р.**

Путь в Беловодье / Р. Буревой — «Автор», 2003 — (След на воде)

Беловодье – город, где оживают мечты. Бесценный приз в борьбе за власть и могущество. Тот, кому принадлежит Беловодье, может претендовать на власть над всей Россией. Но наш герой, "водный" колдун Роман Воробьев, далек от имперских амбиций. В борьбе за Беловодье он потерял большую часть силы. Причем именно тогда, когда над его родным Темногорском сгущаются зловещие тучи. Сможет ли он спасти себя и свой город от подступающей силы Зла?..

# Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	60

# Роман Буревой

## Путь в Беловодье

*Все фамилии и имена героев изменены, названия некоторых городов и поселков вымышлены, дабы не подвергать опасности тех, кто оставляет*

*СЛЕД НА ВОДЕ...*

### Часть 1

#### Глава 1

#### Темногорск

Нет, в недобрый час приехала Тина в Темногорск! Какой бес-искуситель обманщик или просто завистник уговорил ее направиться в это обиталище колдунов? Сначала услышала от подруг, потом в газетке прочитала и кинулась собирать сумки.

И вот ранним утром она стояла на железнодорожной платформе и не знала, куда двигаться. Город был невелик, утопал в зелени и делился на две почти равные части – одну безликую, застроенную многоэтажками и утыканную острями фабричных труб; вторую – одноэтажную, с оазисами роскошных каменных коттеджей. Особняки выстроились вдоль одной из улиц, тесня деревянные, приходящие в упадок домики. В те дни Тина еще не знала, что каменные дворцы принадлежали колдовской братии и построены были исключительно в тех местах, где прежде падала на землю тень Темной горы, срытой до основания в пору великих строек. Да, Темной горы не стало, а магическая сила каким-то образом сохранилась и питала колдунов. Правда, Тина удивлялась: неужто может у горы даже в закатный час может быть такой длины тень? Ей отвечали, что тень не обычная, а магическая. Впрочем, мистические разговоры, полные тайных смыслов и намеков, Тина вела много позже. А в то утро...

В то утро Тина, вернее Алевтина Петровна Пузырькина сжимала в руках две авоськи с вещами и шла навстречу судьбе. На колдунью Тина совсем не походила – уж скорее на провинциалку, только-только закончившую школу. Черные и густые волосы были заплетены в косу и связаны бантом, гардероб состоял из самосшитого платья, поношенного плаща и стоптанных босоножек. Но при этом мнения о себе Тина была самого высокого. Мнение других ее пока не интересовало. Периодически она доставала из кармашка обрывок газеты и сверяла адрес.

Ведьминская улица в тот день напоминала бурную реку с водоворотами, что катилась вниз, под гору, где посреди топкого пустыря, прозванного Утиным полем, поднимались пестрые палатки и раскрашенные фургончики торговцев амулетами, белыми мышами и книжной снедью. Здесь людской поток закручивался спиралью вокруг палаток, вскипая веселыми бурунчиками на островках желтого песка. Песок этот, насыпанный накануне, скрывал наиболее глубокие ямины на Утином поле. Ямы и лужицы поменьше так и остались, и отсвечивающий янтарем песок постепенно темнел и погружался в жирную чавкающую «Уткину» грязь.

Второй людской поток, не менее бурный, тек от торговых палаток вверх по Ведьминской к особняку Аглаи Всевидящей.

Новенький молочно-белый «Мерседес», захваченный течением, застрял посреди дороги и теперь надсадно сигнализировал, как корабль, терпящий бедствие.

Тина остановилась перед высоченными воротами и осторожно постучала. В воротах отрылось окошечко, и в квадратике появился чей-то глаз и нос картошкой:

– Чего тебе?

– Мне бы к госпоже Аглае.

– Записываем за месяц вперед, – буркнул охранник. – Запись – пять баксов. Наличными. Рубли не принимаем.

– Погодите, – запротестовала Алевтина. – Я не на прием. Я ассистенткой работать хочу.

– Ассистентки не треба, – объявил охранник, окошечко захлопнулось.

У Алевтины задрожали губы. Но она справилась с собой и постучала громче, настойчивее:

– Хочу поговорить лично.

– Вали отседова, козявка, – рявкнули из-за ворот, – пока тебя госпожа в курицу не обратила.

Алевтина кинулась бежать и очнулась только у дверей магистра черной магии Гавриила Черного. У Гавриила охранника не было, и Тина зашла в приемную. Выкрашенные в черный цвет стены, черный сверкающий пол, потолок тоже черный. За полированным столом сидела секретарша, ослепительная платиновая блондинка в белом брючном костюме.

– Девочка, какие ассистентки, – устало махнула рукой блондинка, едва Тина заговорила. – Тут каждый день минимум три длинноногие приходят, трясут грудями и просят на работу. Раздеваются по первому требованию и даже без всякого требования и в приемной, и в кабинете.

– Но у меня колдовской дар, – теряя уверенность с каждой минутой, упавшим голосом поведала Тина.

– Милая моя, в Темногорске у каждого второго колдовской дар. Главное – вовсе не дар, а Синклит. Понимаешь, Синклит?

– Не понимаю, – призналась Тина. – Разве мы в Древней Греции?

– О чем нам еще говорить? – Секретарша поджала губы и отвернулась, давая понять, что разговор закончен.

Целый день Тина бродила по ухабистым и грязным улицам Темногорска, тычась в высокие ворота и железные двери. Порой охранники бросали на нее любопытные взгляды, порой ее пускали в приемную, но здесь все объяснения и заканчивались.

Наконец, выйдя из очередного особняка, Тина рухнула на скамейку под огромным кленом и разрыдалась. Но слезы почти сразу высохли, даже плакать не осталось сил. Она достала косметическую салфетку и долго терла разгоряченное лицо.

Какой-то сильно подвыпивший небритый парень в грязной куртке и мятых брюках плюхнулся рядом.

– Ну как, детка, плохо в Темногорске жить? – Он подмигнул Тине, будто сказал нечто чрезвычайно смешное.

– Плохо, – согласилась Тина. – Как и всюду.

Она хотела встать и уйти, но усталость тянула пудовыми гирями к земле.

– Вот и я говорю: хреново. Простым смертным – всегда хреново. А колдунам – еще хреннее.

– Вы – колдун? – недоверчиво спросила Тина. – С первого взгляда не заметно. Ну разве что со второго.

– Я – Слаевич. Слышала небось обо мне?

– Нет, – честно призналась Тина. – Я только про Станкевича слышала, и еще про Сенкевичей. Но они все не колдуны.

Слаевич окинул ее презрительным взглядом:

– Ну, ты даешь. Слаевича и не знаешь? Да меня по всей России... Да что там – России, по всему миру знают. У меня такая сила! Если бы я свою силу водкой не гасил, мир бы взорвался. От Земли бы только мокрое место осталось. Сечешь?

– Секу, – поддакнула Тина и поднялась, пересиливая усталость. – Я очень рада, что вы алкоголик, господин Слаевич.

– Э, ты куда? У меня хата свободная. Пошли ко мне.

Тина отрицательно мотнула головой:

– Я посещаю только люксы в пятизвездочном отеле.

– Ну и дура. У меня вскоре звездный час намечается. Я бы такое мог для тебя сотворить! Раз не хочешь, так катись. Жалеть не буду. – Пьяненький колдун демонстративно повернулся к Тине спиной.

– Я тоже.

Она вновь пошла по Ведьминской. Кажется, в третий или четвертый раз за сегодняшний день. Остановилась зачем-то возле хором Аглаи Всевидящей. Прорицательница как раз вышла из ворот. Намеренно остановилась, демонстрируя импортную косметику, дорогие серьги и новый наряд: длинное кожаное пальто и сапоги на высоченных каблуках. Толпа тут же окружила Аглаю, какой-то журналист стал щелкать фотоаппаратом. Тина тоже остановилась посмотреть на Всевидящую. Позавидовала.

Так она стояла несколько минут, будто окаменев, как вдруг почувствовала, что кто-то хватается за локоть. Инстинктивно Тина притянула сумочку с деньгами и документами к себе. Обернулась. Рядом стояла какая-то тетка в платке и застиранном фланелевом халате, который она носила вместо платья.

– Угол не нужен? – спросила тетка. – Я дешево сдаю. Одна-единственная койка осталась. Последняя.

– Да, да, мне ночевка нужна! – радостно закивала Тина.

Вновь мелькнула надежда: вдруг завтра удастся пробиться к Аглае Всевидящей?

Тетка не обманула. Койка нашлась в десятиметровой комнатухе. В этой крохотульке помещалось сразу две кровати. На одной из них лежала немолодая женщина в одном белье. Черное платье и платок, аккуратно сложенные, висели на никелированной спинке с шишечками.

– Кого ищешь? – спросила женщина, привстав.

Тина замаялась, не зная, что и сказать. Кого она ищет? «Человека, – напрашивался ответ, – просто человека». Но она промолчала.

– Я сына ищу. В Чечне пропал. Может, жив. Валентина Васильевна меня зовут, можешь просто Валя. А тебя?

Тина назвалась.

– Я номерок к Роману Вернону взяла. Слышала про такого?

Девушка отрицательно покачала головой, со стыдом признаваясь, что, обладая колдовским даром, не знает светил этого мира.

– Его хвалят. Скажу по секрету: у меня два номерка. Один – про запас. По два номерка в одни руки дают. Вот я и подумала: приедет издалека человек, в дороге умается, а ему необходимо к Роману Вернону попасть. Номерков, как всегда, нет, очередь на три дня вперед расписана. А тут я. Как чудо. Может, мне и зачтется это доброе дело.

– Мне нужен номерок. Просто необходим, – сказала Тина неожиданно для себя и молитвенно сложила руки.

– Я так и знала. – Женщина достала из сумочки кружок серебряной фольги с выдавленным номером и протянула Тине.

– Сколько я вам должна?

– Да ничего. Я же сказала – доброе дело.

Тина отыскивала в сумочке газетную заметку о темногорских колдунах. Да, Роман Вернон в тексте упоминался. Правда, вскользь. Было сказано, что он повелитель водной стихии, а «господин Вернон» – псевдоним, все колдуны псевдонимами пользуются. На самом деле зовут его Роман Васильевич Воробьев, родился он в селе Пустосвятово и занимается исцелениями и снятием порчи, а также может находить пропавших. И все.

Женщины почти всю ночь проговорили, каждая рассказывала о себе. Вернее, говорила Валентина Васильевна. К утру стало Алевтине казаться, что роднее этой женщины у нее на свете нет человека. Она знала множество подробностей про семью Валентины Васильевны, про мужа, про сына, что пропал на войне, про невесту сына, которая жениха не дождалась и выскочила замуж за хозяина ларька, про друзей сына, про увлечения сына, про... Они заснули на рассвете и, если б хозяйка не грохнула в дверь кулаком, проспали бы до полудня.

Подходя к двухэтажному дому господина Вернона, Тина страшно нервничала. Боялась, что и здесь какой-нибудь ражий тип столкнет ее с крыльца и не пустит дальше порога. Дом колдуна стоял в глубине участка, отгороженный от улицы сплошной кирпичной кладкой забора, деревянными воротами, а также густой сетью яблоневых веток. На крыльце распоряжалась бойкая тетка, вела списки, сверяла жетоны и деловито тасовала очередь по своему усмотрению. Охраны не было.

– Зачем господину Вернону охрана?! – почти с религиозным восторгом воскликнула распорядительница. – Его колдовская сила охраняет.

– Сильнее Вернона никого в Темногорске нет! – поддакнула Валентина Васильевна.

«Они все здесь сумасшедшие, – решила Тина, – и я тоже чокнутая. Но я иногда смеюсь над собственной глупостью. А они такие серьезные, что поневоле начинаешь чувствовать себя виноватой».

– Марфа Сталеновна, вы уж нас в конец очереди не отодвигайте, – попросила Валентина Васильевна и сунула в ладонь распорядительницы сложенную в несколько раз бумажку. Та глянула и скривилась: «денежка»-то была «деревянная».

Ждали долго. О Романа Верноне рассказывали чудеса. Стоит ему показать фото, и он тут же отыщет пропавшего. Будто бы находит он человека где угодно, даже под землей, в прямом смысле этого слова: если убит и закопан, колдун непременно укажет где.

– Вчерась при мне одной дамочке могилку аж в Сибири указал, – объясняла распорядительница ожидавшим приема.

При этих словах Валентина Васильевна вздрогнула и бросила на Тину умоляющий взгляд.

– Ваш сын жив! – Тина изо всей силы стиснула локоть своей новой подруги.

И в тот же миг поняла, что нет, не жив. Давно уже не жив. Показалось Тине, что внутри у нее все обрывается. Будто она сама, а не кто-то другой, в этой безвременной смерти виновата. И от вины этой никак не откреститься. Оказывается, это так страшно, когда у тебя *дар*.

А Валентина Васильевна уже всходила на крыльцо. Как на эшафот.

«Я ошиблась», – попыталась упрямить немилосердную судьбу Тина, но знала, что бесполезно, не поддастся на подобные уловки фортуна.

Валентина Васильевна пробыла в доме минут пятнадцать. Вышла с потемневшим, совершенно чужим лицом, стала спускаться, беспомощно нашаривая рукой перила. Оступилась, едва не упала, и вдруг завывла в голос, припав к перилам; принялась рвать с головы платок и бить себя кулаком в грудь. Люди к ней сбегались. Нет, не ошиблась Тина. И господин Вернон не ошибся.

– Девушка, чего ж вы стоите? Ваша очередь! – строгим голосом обратилась к ней Марфа.

Тина хотела подойти к Валентине Васильевне и сказать... Да что тут скажешь?! Надгробье гранитное метровой вышины человека не заменит.

«Мне теперь будет удача, она мое счастье выкупила», – пронеслась в голове у Тины кощунственная мысль.

Кабинет колдуна был погружен в полумрак, золотистый отблеск свечей ложился на бархатные портьеры. Господин Вернон сидел в глубоком кресле, сцепив в замок длинные пальцы. На столе перед ним стояла белая тарелка. И все. Ни черепов, ни четок, ни карт таро, ни прочей колдовской шелухи. Пахло странно. Так возле реки веет влагой и водорослями. Только здесь этот запах мешался с запахом горящего воска.

– Мне надо с вами поговорить. У меня дар. Настоящий, – выпалила Тина, все еще стоя у двери и не осмеливаясь подойти ближе. – Я вот что вам скажу: у Валентины Васильевны сын погиб. Я это поняла сразу. За локоть ее взяла и поняла.

У колдуна было необычное лицо – белое, с орлиным носом и надменным, изломленным в недоверчивой улыбке ртом. Длинные волосы, черные и блестящие, доходили почти до плеч. Но самое странное – золотистые огни свечей в его глазах отражались холодными голубыми бликами.

– Ну, это нетрудно, – недоверчиво покачал головой колдун. – Даже в кабинете я слышал, как она кричала на крыльце.

– Нет, я *до* все поняла. Я не вру. Но ничего ей не сказала. И вы не должны были.

– Не тебе меня учить, что делать, – ответил он надменно. – Теперь она сможет сына похоронить.

– Как я вам завидую: вы не сомневаетесь в собственной правоте.

Роман слегка подался вперед:

– Зачем ты здесь?

– Мне нужно место ассистентки.

Он указал на стул.

– Сядь.

Тина подошла и села. Закинула ногу на ногу. Огоньки свечей слегка заколебались. Она повернулась и дунула на ближайшую свечку. Пламя, вместо того, чтобы наклониться, рвануло вверх, шипя и разбрызгивая искры. Колдун отшатнулся:

– Прекрати! Без фокусов.

– Без фокусов скучно. А я веселая. Вы заметили?

Он пододвинул к ней тарелку. Вода была так прозрачна, что, лишь колыхнувшись, выдала свое присутствие.

– Сконцентрируй внимание и подумай о ком-нибудь, – приказал господин Вернон.

– Мне ни о ком не хочется думать.

– О простом человеке. Не колдуне. Но чтоб этот человек был тебе близок. Очень близок.

Тина подумала о Валентине Васильевне – кто ж теперь ей роднее этой женщины, которую Тина больше никогда не увидит?

– Положи руку на поверхность воды, – последовал приказ.

Девушка повиновалась.

Вода в тарелке замутилась. На дне, как в зеркале, появилось растерянное лицо Валентины Васильевны. А потом вода зарябила, и картинка пропала.

Колдун задумчиво кивнул:

– Дар у тебя в самом деле есть. Вот только я не пойму – какой.

– Я и сама не знаю, – совершенно не к месту хихикнула Тина.

– Впрочем, у меня были ассистентки и без всякого дара, – продолжал Роман Вернон, будто и не заметил ее нелепого смешка. – Тебе повезло. Сейчас место свободно. Я плачу двести баксов в месяц. Если будешь готовить, можешь жить в комнате наверху бесплатно. Одно условие соблюдать неукоснительно: никого в дом не приводить и никому ничего не рассказывать. Ослушаешься – сотру память начисто. Вплоть до младенческой поры.

- Ваша власть так велика? – недоверчиво спросила Тина.
- Моя власть огромна. Не хотелось бы испытывать ее на тебе.
- Вы научите меня своим... – она едва не сказала «фокусам», но вовремя спохватилась, – приемам?
- Это несложно. Вода – носитель информации. Вскоре ты сможешь сама находить потерянные кошельки, абортированных детей, мужей и жен в чужих постелях.
- Я бы предпочла более ценные находки.
- Не все ли равно? Ведь ищешь не для себя.
- Она не могла понять, какого сорта его цинизм – напускной, или подлинный, изъевший ржавчиной душу. В принципе ей было все равно. Пока. Но цинику служить не хотелось.
- А лечить? Ведь вы излечиваете? Исцеление недужных приносит самую громкую славу. Я слышала, вы многих вылечили. – Она хотела сказать совсем не то, не про славу, а про добрые дела. Но почему-то не посмела. Не хотелось выглядеть дурочкой.
- В узких серых глазах колдуна блеснули нехорошие огоньки:
- Слава мне не нужна. Ну а твоей силы, может быть, и хватит, чтобы свести пару бородавок и справиться с застарелым геморроем.
- А как же Аглая Всевидящая? Или Гавриил Черный? Говорят, когда Гавриил приходит в палату к больному, воздух становится, как на горном курорте.
- Больной при этом умирает на два дня раньше. Гавриил забирает энергию у пациента для своих эффектов, только и всего. Ведь энергию надо откуда-то брать.
- Разумеется, я помню про энергию и возрастание энтропии, хотя в школе у меня была тройка по физике, – призналась Тина. – Но если так, то откуда берете энергию вы? Или это тайна?
- Что ж тут скрывать? Я – водный колдун и черпаю силы из своей стихии.
- Вода? Аш-два-о. Значит, можно быть повелителем кремния или азота? Все-таки элементов в таблице Менделеева больше, чем стихий.
- Ценю твой юмор, но положенные тебе пятнадцать минут *истекли*. Меня ждет следующий клиент. Ты иди. Вернешься в семь. Обсудим план завтрашнего дня и поужинаем.
- Она шагнула к двери и вдруг, набравшись дерзости, повернулась к нему.
- Ваша секретарша означает одновременно и ваша любовница? – Тина хотела спросить это шутливым тоном, но почему-то не получилось. Прозвучало слишком серьезно.
- Колдун вновь рассмеялся:
- Это по желанию самой ассистентки. Но я заметил, что совмещение обязанностей вредит работе.
- Да, поговорка насчет двух зайцев все еще справедлива.
- Он вышел из-за стола и распахнул перед нею дверь. Тине нестерпимо захотелось дотронуться до колдуна. Это желание было выше ее сил. Было как приказ. Она подняла руку...
- «Дура! Что делаешь!»
- Ее пальцы коснулись его кожи и скользнули по щеке.
- «Не любит... Никого не любит...» – пришла как будто чужая мысль.
- Она приподнялась на цыпочки и подалась вперед. Роман тоже наклонился, делая вид, что хочет поцеловать, но тут же отпрянул. Он играл с нею.
- Тебе нужно ожерелье, – сказал он, касаясь пальцами ее шеи. – Сегодня вечером я подарю тебе водную нить.
- «Сегодня мы уже будем вместе, – опять подсказал кто-то извне. – Ведь ты не можешь этому противиться».
- Она тряхнула головой и отвернулась.
- «Только не влюбляйся в него, дура! – предупредила Тина свое сильно бьющееся сердце. – Можешь спать с ним, но только не влюбляйся».

Но грош цена всем подобным предупреждениям. Грош цена...

– А что такое Синклит? – вдруг спросила она дрожащим голосом. – Вы член Синклита?

Взгляд колдуна сделался хитрым. Нет, не хитрым, а хитрющим.

– Синклит – это тайна. – Он приложил палец к губам. – Лишь посвященных приглашают.

Колдун сдержал слово. В тот вечер он сплел для Тины водное ожерелье. Разрезал кожу на руке, залил водой, а из пореза извлек серебряную нить. Она блестела, переливалась и казалась живой. Тина следила за странной операцией, содрогаясь от ужаса и чуть не плача от восторга. Особенно, когда Роман оплел серебряную нить косицами из собственных волос. Пряди мгновенно изменили цвет, из черных сделались желтыми, голубыми и красными. Колдун преподнес Тине *дар*, усиливающий ее *дар*. Что-то вроде возведения в степень. По математике в школе у Тины была пятерка. Когда Роман замыкал водное ожерелье у нее на шее, девушке казалось, что она вот-вот упадет в обморок.

А потом... потом она обняла колдуна и первой коснулась его губ.

«Не влюбляйся!» – напрасно остерегал голос.

Странно, но колдовское ожерелье Тининога дара не усилило. Как была у нее небольшая способность к колдовству, таковой эта способность и осталась. Никакой новой склонности не открылось. Роман наблюдал за девушкой несколько дней и, кажется, сам был обескуражен. Он даже выспрашивал, не появилось ли у Тины какое-нибудь особое свойство? К примеру, умение двигать вещи силой мысли или убивать взглядом. Тина со смехом отвечала, что нет, не появилось. И отправлять на тот свет она никого не собирается.

Впрочем, что-то ожерелье в ней переменяло. Теперь, едва слышала она голос Романа, или только начинала думать о нем, как все внутри у нее переворачивалось, под грудиной сдавливалось томительно и сладко, сердце колотилось в такт пульсирующему ожерелью. Ей хотелось взмыть в воздух и парить. Мчаться куда-то, делать глупости. В общем, это была совсем другая, новая Тина. Но признаться в этом ассистентка своему патрону не решалась.

С лета до осени жизнь Тины текла безмятежно: колдун не перегружал ее работой, поручив круг самых нехитрых обязанностей, но и этот круг Тина по возможности сузила. Вся тайна Романова колдовства сводилась практически к одному ритуалу: господин Вернон привозил из родного Пустосвятово чистейшую воду и с ее помощью делал практически все. Украсть эту тайну было невозможно, потому что никто, кроме господина Вернона, повелевать водой не умел. Раз в полгода Роман уезжал в Пустосвятово на три или четыре дня – налагать охранительные заклятия и ставить колдовские ловушки, чтобы никто реку его драгоценную не отравил и воду не испортил – намеренно, из зависти, или по недосмотру, не имело значения.

Учеба колдовскому мастерству не отнимала слишком много времени: Роман готов был наставлять ученицу, но лишь в том, что она сама стремилась понять. А ей многочисленные заклинания, обряды, однообразные повторы непонятных действий казались нелепым спектаклем. Кое-что у нее получалось, но, по сравнению с тем, что творил господин Вернон, Тинины ухищрения выглядели убогим шарлатанством. Единственное, что выходило неплохо у новой ассистентки, это поиск пропавших вещей. Особенно, если просили найти что-нибудь по мелочи: кошельки, бумажники, документы. То ли природу этих вещей она понимала, то ли существовала какая-то тайная связь между Тиной и потерянными паспортами, но иногда в соседней с кабинетом гостиной колдун разрешал Тине устраивать свой собственный прием. На двери, ведущей в его кабинет, было даже написано: «Поиск паспортов, кошельков и драгоценностей – у ассистентки Тины Светлой». Прозвище это Тина придумала себе сама. Она брала за прием куда меньше Романа, и к ней приходило порой человек шесть или семь за день.

Поначалу помощнице колдуна нравилось проводить приемы, затем все чаще стала нападать тоска. Как в любом, даже самом интересном деле, в колдовстве было много однообразия,

а нудятина выводила Тину из себя. Прежде она воображала, что у колдуньи каждый день яркое и не похож на другой, и едва что-нибудь сделаешь удачное, как сразу придет громкий успех: слава, репортеры, огромные деньги и фото на первых страницах престижных журналов. Каких именно – Тина не знала, потому как ни одного престижного журнала за всю жизнь не держала в руках. На поверку колдовство оказалось работой, как все прочие, однообразной и трудоемкой, к тому же приходилось все время общаться с людьми. А люди нередко встречались пренеприятные. Успех и слава доставались Роману, Тину никто не замечал. Не то что бы господин Вернон присваивал достижения ассистентки, напротив, он всегда подчеркивал даже самые мелкие ее заслуги. Просто окружающие хотели славить Аглаю Всевидающую, Гавриила Черного и Романа Вернона. Никого не интересовала Тина Светлая, которая научилась искать кошельки. Тина порой обижалась до слез и все больше разочаровывалась в колдовской профессии.

Любовь была куда интереснее. Любовь, как чувство почти колдовское, мистическое, всеохватывающее, была для Тины в новинку. Она предалась любви и в любви буквально растворялась. Ежечасно, ежеминутно любовь присутствовала в ее жизни. Если шла в магазин, Тина непременно покупала то, что нравилось Роману, а уж только потом то, что приглянулось лично ей. В газетах она выискивала все, связанное с колдовством, и если упоминалось имя господина Вернона, то радовалась, а если его не упоминали – негодовала. Все заметки про Романа она вырезала из газет и журналов и складывала в отдельную папку. Когда Романа не было рядом, Тина разговаривала с ним вслух и не находила это нелепым. Обожала целоваться с ним на людях, а по ночам просыпалась и долго смотрела на него, спящего. Во сне он иногда разговаривал. Вернее, вдруг начинал бормотать: «Уйди, оставь, убирайся...» или даже кричал «Отхлынь!» Видимо, в снах кто-то из колдунов ему досаждал нередко. Тина знала, что во сне колдуны уязвимы. И потому в такие минуты непременно шептала охранные заклинания. Колдун успокаивался, переставал бормотать, Тина осторожно касалась губами щеки любимого. И такая ее жалость охватывала, что хоть кричи. Все внутри переворачивалось от той жалости, на глазах выступали слезы. Странно ведь: Роман удачлив, красив, силен, не обделен ни вниманием, ни богатством, а вот, поди, ж ты, жалела она его, и все тут. Так жалела, будто он был самым несчастным человеком на свете, калекой от рождения, ненавидимым людьми и судьбой. И чем искусней делалось его колдовство, чем громче становилась слава, тем сильнее была ее жалость. Ничего с этим Тина не могла поделать.

Романа подобное обожание забавляло, он посмеивался над ассистенткой, но всегда добродушно и остроумно. Иногда колдун попрекал ученицу ленью, но опять же, подтрунивая, и как бы между прочим. Возможно, его устраивало отсутствие рвения единственной ученицы: раскрывать перед Тиной тайны своего мастерства не входило в его планы. Той осенью Тина была счастлива.

А потом...

Все началось в один из осенних дней, когда на прием к Роману Вернону явился парнишка лет двенадцати или тринадцати и потребовал, чтобы колдун нашел убийцу его отца. Кажется, о той смерти писали в газетах. Убийство не громкое, а скорее странное. Во всяком случае, журналисты обратили на него внимание. Колдун что-то такое показал мальчишке в тарелке с водой, но что именно – Тина не знала. Когда паренек ушел, Роман заперся у себя, потом вдруг прекратил прием и куда-то уехал до самого вечера.

Вернулся он поздно, провел всю ночь в кабинете, а под утро поднялся, наконец, в спальню и сказал Тине сухо и как бы не о себе:

– Ехать надо. Дело серьезное. Ищут убийцу.

Она не удивилась. Его и раньше темногорские следователи приглашали подсобить в каком-нибудь сложном деле, но всегда участие Романа в раскрытии преступлений держалось в тайне.

Колдун велел Тине раздеться. Она решила, что на прощание Роман решил позабавиться в постели. И не угадала. С головы до ног отер колдун ее тело полотенцем, смоченным в пусто-святовской воде. Потом произнес заклинание.

– Это защита, – пояснил кратко. – Несильная, но действенная. На месяц хватит. Надеюсь, что управлюсь быстрее. Будут спрашивать обо мне – говори, что уехал по делам. Если кто имя Гамаюнова при тебе произнесет, слушай внимательно и запоминай каждое слово. Запомнила – «Гамаюнов».

– Конечно! – легкомысленно хмыкнула Тина.

– Если кто станет угрожать – не бойся. Замки на всех окнах и дверях любой удар выдержат. Впрочем, если что, обращайся сразу к Михаилу Чудодея.

– «Если что», – как это понимать? – обеспокоилась Тина.

Колдун задумался на миг, потом сказал:

– Я грядущего не прозреваю, – потом поцеловал ее и шепнул на ухо: – Верь в свою силу.

Утром Роман уехал. И не вернулся вечером. Тина не беспокоилась. На дверях дома и на воротах повесила объявления, что приема в ближайшие дни не будет. Все равно люди приходили, то ли читать не умели, то ли не верили написанным словам. Являлись обезумевшие от горя женщины или наглые личности мужского пола и требовали немедленно вернуть им Романа Вернона, потому как приехали издалека и затратили кучу денег и времени. Один даже утверждал, что Тина обязана компенсировать его расходы.

– Я ж теперь после дефолта голый! – кричал незадачливый посетитель. – Ограбили! Сво-лочи! Всех вас стрелять надо!

Так что через два дня Тина вообще перестала кого-либо впускать во двор, а ворота закрыла на замок да еще наложила охранительное заклинание – Роман научил ее этому в первую очередь. Все-таки кое-что она умела.

Теперь с утра до вечера валялась Тина в постели, читала, смотрела видак. По Темногорску вдруг поползли слухи, что за городом нашли кучу трупов. То пять, то ли шесть. А может – и десять. Никто толком не знал. Поговаривали, будто все изувечены каким-то особенным образом, так что убитые напоминают египетские мумии, только без благовонных масел и пелен.

Про заклятие, с помощью которого можно изгнать из тела человека воду, Тина знала, Роман даже объяснял ей в общих чертах, как применять это заклинание в качестве самозащиты. Но Тина и не подумала связать тех троих мертвецов с господином Верноном.

Еще одно событие должно было насторожить Тину гораздо больше, чем предупреждение Романа и слухи о мумифицированных трупах. Исчезла Марфа. На другой день после отбытия колдуна. Куда? Почему? Неведомо. Потом заговорили, что она в Пустосвятово купила домик с большим садом и оставила *служение*. Когда такие, как Марфа, уходят, это тревожный знак, колокольчик звякнул: день-день, беда! Но Тина, как уже было сказано, не тревожилась.

Сразу после исчезновения Марфы заглянул к Тине следователь Сторуков. Какое у него дело к господину Вернону, не сказал. Спросил только, где Роман и не было ли от него каких вестей. Спрашивал Сторуков как бы с неохотой и кивал, когда Тина отвечала «не знаю», потом сказал, хмуро глянув на Тину:

– Этих троих убил Роман Воробьев. Но доказать не могу. Они умерли от обезвоживания. Никто *так* не убивает. Суд, разумеется, не примет этого дела к рассмотрению, даже если я *захочу* найти улики и свидетелей. Но хозяин убитых знает, кто его парней порешил. Учти.

– Что учесть? – зачем-то спросила Тина.

– Учти, что лучше иметь дело со мной, чем с ними.

Она вполне однозначно поняла слова блюстителя порядка: достала из сумочки сто баксов и положила на стол перед следователем. Надо сказать, что августовский дефолт, случившийся как раз в том году, колдуна не коснулся: Роман всегда брал за работу только баксами. Впрочем, как и вся колдовская братия.

Сторуков деньги взял и предупредил:

– Я Романа видел в Пустосвятово. Он не скоро вернется. Поехал дальше.

– Куда? – невольно вырвалось у Тины.

– А вот это мне неведомо.

На другой день явились какие-то люди – хмурые, в черных кожаных куртках, требовательно постучали в ворота. Тина могла не открывать – заклятия ограждали. Но чего-то испугалась и открыла.

Люди в черной коже вошли в дом, по-хозяйски расположились в гостиной. Вернее, один из них, явно главный, сел, остальные встали за его спиной и за спиной Тины.

– Где Воробьев? – спросил главный.

Она пожала плечами, и кажется, только теперь ощутила беспокойство.

– Лучше ответить.

Главный был невысокого роста и полный, с бычьей шеей и светлым ежиком на голове, причем ежик начинался почти сразу над бровями.

«Штампуют их что ли, таких мордатых?» – подумала Тина.

– Да не знаю я. Уехал он. А куда – не сказал. Может, на море с любовницей подался, почему я знаю.

– Давай договоримся. – Главный был осторожен, памятуя, в чьем доме находится. – Я тебе пятьсот баксов даю, а ты мне толкуешь, где твой босс.

– Я господина Вернона за пятьсот баксов не продаю! – неожиданно дерзко выкрикнула Тина.

Тут же один из подручных вмазал ей ладонью по лицу. Несильно, но хлестко. И очень больно. Щека так и вспыхнула. Тина закричала и схватилась за скулу. Обидчик ее тоже заголосил – рука у парня мгновенно потемнела и скрючилась.

Гости переглянулись.

– Колдунья, – прошептал бритоголовый парнишка помладше и попятился к двери.

Только к Тининым способностям происшедшее не имело никакого отношения: сработала Романова защита, усиленная колдовскими ловушками дома.

– Не трогать ее! – остерег главный. – И вообще тут поосторожней. – Он обвел внимательным взглядом гостиную, но ничего не заметил, да и не мог заметить. Однако он был умен и не стал испытывать еще раз, на что способны господин Вернон и его ассистентка. – Слушай, красотка, я тебе две тысячи зеленых даю, толкуй, где твой Воробей, и уходим.

– Как же! – нахально крикнула Тина. Она уже поняла, что Роман даже на расстоянии ее защитил. Эти мерзавцы в черной коже ее больше пальцем тронуть не посмеют. – Никто Романа Вернона не найдет, если он того не хочет. А вот он может вас найти в любой момент, в лужу любую посмотрит и увидит, что вы тут в его доме творите! Тогда – берегитесь.

Главный покосился на своего подручного – тот все еще баюкал почерневшую руку и тихонько поскуливал.

– Нам лишь потолковать с ним нужно, и ничего больше, – осторожно настаивал главный.

Тина улыбнулась, не скрывая чувства превосходства – ассистентка Романа Вернона не может снизу вверх смотреть на таких парней. Была бы сильной колдуньей, в слякоть зеленую обратила бы всех. Эх, дура, учиться надо было!

– Пятьсот баксов! – крикнула она задорно.

– Что? – не понял главный. Обычно требовал он.

– Пятьсот баксов, или рука у этого мерзавца, что меня ударил, отвалится, а потом он и сам копыта отбросит.

Главный вновь окинул взглядом гостиную. Выругался. И достал бумажник...

Дня три за домом следили – немудреный Тинин дар сообщал об этом постоянно. Наконец «наружку» убрали. Потом заходил какой-то другой мент – не Сторуков – и тоже выспрашивал. У Тины сразу родилось подозрение, что не для органов внутренних дел этот посетитель старался, а совсем для других ребят. Этому она ничего не сказала. Лишь пожимала плечами, да повторяла раз за разом: не знаю.

В те дни Алевтина пожалела, что столь малому научилась у Романа, неведомо, на что растратила дни. Вдруг Роман не вернется? Тина плакала от ужаса при этой мысли. После долгих колебаний, промучившись ночь без сна, решила она попробовать колдуна найти. Произнесла отворяющее заклинание, вошла в кабинет. Все другим в этой комнате казалось в отсутствие Романа. У Тины на глаза навернулись слезы, в груди так сдавило, что не вздохнуть. И ожерелье на шее стало дергаться, причиняя боль. Тина втянула воздух поглубже, задернула шторы, зажгла свечи. Достала из буфета тарелку кузнецовского фарфора – одну из трех, – налилапустосвятовской воды, положила на поверхность ладонь – невесомо. Так, как учил колдун. И стала думать о Романе. Не где он сейчас, не что с ним, а просто о нем. Поначалу поверхность замутилась. Потом стала алой как кровь, возник на воне алого какой-то лесок, котлован с водой, и вдруг полыхнуло в глубине огнем. Тина взвизгнула и вскочила. Изображение тут же пропало.

«Беда с ним! Беда!» – стучало сердце.

«Опасность рядом с ним!» – пульсировало ожерелье.

На другой день она попробовала вновь искать Романа, но в этот раз ничего не вышло: вода замутилась, но изображение так и не проступило. Ночью Тина проснулась и лежала без сна. Прислушивалась. Мнилось: кто-то ходит по дому. Но нет, почудилось. Утром, как только проснулась, она припрятала в спальне, в ящике комода, кухонный нож, которым резала мясо. Это она-то, ученица Романа Вернона, наделенная водным ожерельем, решила положиться на обычную сталь!

Днем заходил Слаевич. С тех пор, как Тина поселилась в доме господина Вернона, земляной колдун относился к Тине подчеркнуто вежливо, даже ручку при встрече целовал. Слаевич за чаем поведал, будто убит один из боссов мафии, человек в своем роде уникальный, и будто теперь пошла среди оставшихся большая волна всяких ихних переделок, перестрелок, стрелок, или что там у них еще имеется. Главная странность по всей этой истории – уже не первый тип от бандитов является к темногорским колдунам за поддержкой, но никто помочь браткам не может, хотя колдуны и пытаются.

Сколько же деньков промелькнуло с тех пор, как исчез Роман? Тринадцать? Четырнадцать? Может и больше – Тина не считала. Время утратило значение и власть. Оно просто текло, как течет вода из оставленного незакрытым крана – однообразно и бессмысленно.

Вода громко капала где-то рядом, когда Тина проснулась посреди ночи. Внезапно. Будто ее тряхнули изо всей силы. Внизу по дому кто-то ходил. Она отчетливо слышала шаги. Вот человек направился на кухню. Вот заглянул на веранду. Сердце Тины заколотилось. В висках, на шее, в горле пульсировало так, что не вздохнуть. Кто мог пробраться в дом колдуна, если дом берегут неснимаемые заклятия? Кто посмел? Кто пересилил?.. Тина готова была кричать от ужаса, но губы онемели. А незванный гость направился в кабинет. Вот пытается открыть дверь. Отворяет. Входит. О, Вода-царица! Как же так! Ведь кабинет оберегают самые сильные заклинания! Выходит – ослабели? Что теперь? Что?

Тина вытащила из ящика кухонный нож. Вышла. Спускалась осторожно, чтоб ни одна ступенька не заскрипела под босой ногой. А что если прибегнуть к изгнанию воды, что если... Ведь она знает... Роман учил... Одно прикосновение... Но внутренний страх сковал ее, как мороз воду. Не только губы не шевельнулись – мысли замерли, вмерзли в эту глыбу страха. Тех, в коже, не боялась ни секундоочки. А тут перетрусилась, как крольчиха.

«У меня же сила, дар...» – уговаривала себя Тина. Но все равно не могла произнести заклинание.

Дверь в кабинет стала отворяться. Тина сжала нож так, что онемели пальцы. Она уже не могла дышать – ожерелье ее душило. Ударить! Только бы суметь ударить! Она занесла руку и...

Тут в глаза брызнуло водой, но водой не прозрачной, а белой, будто молоком облили. Вода разлилась, все затопляя, начала густеть, темнеть, превращаясь в черное непроглядное полотно. Где-то по краю чернота светилось красным и зеленым. Но как ни скашивала Тина глаза, ничего разглядеть не могла...

Она очнулась у себя в спальне. Было часов двенадцать, осеннее низкое солнце бесстыже заглядывало в окна. Тина лежала голая на кровати среди измятых простыней. Поначалу – никакой тревоги. Легкое, какое-то обалделое состояние. Потом... Она вскинулась, провела ладонями от груди к бедрам. Попыталась вспомнить. Ничего. Тьма. Провал. Но... эти следы на простынях, и еще... Сомнений не было – этой ночью кто-то побывал в ее постели. О, Вода-царица! Кто же это? Кто? Она не помнила. Что ж выходило? Ее изнасиловали.

Она вскочила и тут же осела на пол, скорчилась от стыда, отвращения к самой себе. Ни единой царапины или синяка на теле. Тому, неведомому, она уступила без всякого сопротивления. Испугалась? Подчинилась, как шлюха?! Дрянь! Дрянь! И вдруг ее будто током ударило! А как же Романово заклинание? Почему не спасло? И вообще – почему все заклинания утратили силу? Объяснение было одно. Заклинания теряют силу, если колдуна уже больше...

Но даже мысленно она продолжать не посмела. Завыла в голос.

В тот же день решила Тина ехать в Пустосвятово.

В родном селе водного колдуна она побывала один раз летом вместе с Романом, заходила к его отцу и мачехе, потом пришли они к дому Марьи Севастьяновны. Но в дом Роман Тину не позвал – оставил за порогом. «С матерью знакомить не хочет, не невеста чай», – разъяснила для себя Тина. Но почему-то не обиделась.

Честно говоря, не ведала Тина, что теперь, уже без Романа, может отыскать в Пустосвятово. Но надеялась, что какой-то намек, какой-то след найдется.

Однако в Пустосвятово она не попала, дошла лишь до автобусной остановки.

На Ведьминской улице остановил Тину мужчина лет тридцати. Лик будто с иконы: темные длинные волосы, борода, взгляд печальный. Одет в длинное темное пальто. Ворот расстегнут, и видно, что под пальто алая рубашка с вышивкой.

– Зря ждешь, – покачал темноволосый головой. – Не вернется он.

Тина споткнулась. Да, именно споткнулась, а не остановилась. Чуть не упала. Схватила рукой за фонарный столб.

– Он другу-у-ю нашел, – продолжал мужчина нараспев, глядя на девушку жалостливо. – Другу-у-ю любит.

И Тина вмиг поверила: да, Роман теперь с другой, разлучнице отдал сердце без остатка. Тина застонала. В груди сдавило, ноги стали подгибаться.

– В-вы... кто?... – выдавила с трудом. – И з-з-зачем... г-г-говорите... т-т-такое...

Она вдруг начала заикаться, хотя никогда прежде за собой такого порока не знала.

– Зовут меня Николаем, – отвечал тот. – Может, слышали – Микола Медонос? Слышали, конечно. Я в том доме, что под золотым знаком, живу. Говорю я правду всем и всегда. Жаль мне тебя, голубушка. Жаль, что темная сила тебя околдовала, душу выпила. Ты ж красавица, тебе счастливой положено быть. А ты страдаешь. И никто не поможет...

– Никто... – закивала Тина, и слезы покатались по щекам сами собой, и стало легче. Чуть-чуть, но легче.

– Я помогу, – пообещал Медонос. – Потому как женщин наших русских несчастных всех люблю. Всех без исключения. Вот, возьми. – Он вложил в безвольную Тинину ладонь пузырек темного стекла. – Поставь в спальне возле кровати. Роман и вернется. Скоро.

Ожерелье проклятое так шею сдавило – не вдохнуть. Нить пульсировала, билась, дергала, как больной зуб.

Тина зажала пузырек в ладони и побрела назад, домой. Ее шатало. Один раз она даже упала, но пузырек не выронила.

– Пьяная! – фыркнула ей вслед какая-то бабка.

– Пьяная, – подтвердила Тина и рассмеялась лающим смехом, больше похожим на рыдания.

Добрела наконец до своих ворот, калитку отворила, хотела сделать шаг и... Пузырек у нее в руке взорвался, брызнул осколками. Кожу они не пробили – Романова защита спасла, но две косточки в кисти переломались. А следом вспыхнул рукав пальто. Тина взвизгнула. Тут же сверху, с перекладки ворот, рухнул ком снега и сбил пламя – Романовы заклинания вновь действовали.

Тина рванулась назад, на улицу, захлопнула калитку и помчалась по Ведьминской. Вот же глупая! Как не заметила колдовской ауры, причем враждебной? Околдовал ее этот Микола, точно околдовал.

Тина бежала – но не в больницу, нет, а к Михаилу Чудодею, главе темногорских колдунов. Как ассистентку Романа Вернона, колдовской Синклит обязан был ее защитить от подобных пакостей.

Михаил Евгеньевич Чудодей выслушал ее внимательно, боль с поврежденной руки снял, но переломы не залечил – человека с водным ожерельем может исцелить лишь водный колдун. Таковых в Темногорске, кроме Романа, больше не числилось. Пришлось Тине ехать в больницу и накладывать гипс.

Вечером Чудодей зашел справиться о здоровье. Посидел на кухне, чаю попил, поинтересовался, нет ли вестей о Романае, потом, вздохнув, добавил:

– Вы ошиблись, Алевтина Петровна. Миколы Медоноса в Темногорске сейчас нет. Это точно. Отсутствует уже почти месяц. Он вообще у нас бывает наездами. Появится, денек побудет, и вновь укатит по делам. На заседания Синклита ни разу так и не приходил. Хотя вступил и взносы платит исправно. Лично я его видел всего один раз. Спору нет, Медонос – колдун очень сильный, но пузырек с огненным зельем кто-то другой вам, моя милая, подсунул.

– Кто именно?

– Огненных колдунов много, по имени назвать не могу. Возможно даже – не член Синклита. Кто-то из Романовых завистников. Может, вы сами знаете? Встречали прежде?

– Разве не мог Медонос вернуться тайно? – не желала сдаваться Тина.

– Чтобы дать вам пузырек? Да так неумело? Простите, Алевтина Петровна, мне это кажется более чем странным. Вы в другой раз осторожней будьте. Разве Роман Васильевич не научил вас, как от подобных нападений защищаться? Это, знаете ли, нехитрая наука. Если забыли, ко мне приходите, я вас заклинаниям научу.

Тина вздохнула:

– Научил, конечно.

Да что там учить! Ожерелье предупредило: опасность. Дергалось как сумасшедшее. Но Тина внимания не обратила, в тот миг ума решилась.

– Может, помочь надо? – спросил Чудодей.

– Чем тут поможешь? – вздохнула Тина, и едва не выкрикнула: «Ведь правду, правду этот человек говорил!»

Так что в Пустосвятово она отправилась только на следующий день. Рука в гипсе, в сердце такая мусть, что хоть в голос вой. О, Вода-царица! Да что ж это такое! Беда к беде!

Дом Воробьевых долго не могла найти; все постройки, давно некрашенные, покосившиеся, в окружении старых яблонь, увешанных поздними яблоками, казались схожими. Адрес Тина забыла. Дом нашла случайно. Когда в третий раз проходила мимо, что-то в спину толкнуло. Шагнула к нужной калитке. Пес загавкал. Тина уверенно направилась к крыльцу. Постучала. Дверь не отворили. Только форточку.

– Чего надо? – спросил не слишком приветливый женский голос.

Тина даже толком не успела разглядеть, с кем разговаривает.

– Я знакомая Романа Васильевича Воробьева. Он куда-то уехал, вот я и хотела узнать... Договорить ей не пришлось.

– Пошла вон! – завопила женщина, и форточка захлопнулась. Звякнули стекла.

Тут и дара никакого особенного не надо, чтобы понять: женщине что-то известно. Тина вновь постучала.

– Сказано: убирайся! – раздалось из-за двери. – Или собаку спущу.

Пес мгновенно почуял настроение хозяйки и разразился лаем.

Тина бросилась к калитке, решила, что вернется к этому дому потом, побродит вокруг маленько, может, встретит не мачеху Романа, а его отца. Впрочем, Тина была уверена, что Воробьев-старший тоже ничего не скажет. Оставалась одна надежда – на Марию Севастьяновну.

В этот раз Тина плутала недолго: почерневший, покосившийся дом запомнился ей очень хорошо. Случаться и звать хозяйку не пришлось: старуха, закутанная в платок, в зимнем пальто с облезлым воротником, стояла у крыльца. Просто стояла и ничего не делала. Будто вся работа и по дому, и в саду давно закончилась, а вот времени осталось хоть отбавляй. Теперь старуха в печальном одиночестве по капле избывала время.

– Марья Севастьяновна, – негромко позвала Тина.

Старуха повернулась. Лицо у нее было скорбным и мрачным, один глаз закрыт куском марли.

– Что тебе? – спросила Марья Севастьяновна устало. – Руку залечить? Так я теперь не лекарю.

– Нет, я не из-за руки. – Тина вошла во двор немного с опаской. Знала, что мать у Романа колдунья, через нее господин Вернон дар свой получил. – Я вашего сына ищу. Он как уехал из Темногорска, так о нем никаких вестей. Только какие-то мерзавцы о нем все спрашивают. Боюсь я.

Старуха усмехнулась. Сверкнули белоснежные зубы. Не вставные.

– Пусть ищут. Не найдут.

– А вы бы не могли... по тарелке... Как Роман. У меня не получается. То есть раз получилось, а потом – никак. Может, силы не хватает?

Старуха отрицательно мотнула головой.

– Теперь не могу. У тебя ожерелье есть? – спросила резко. И как-то нехорошо глянула единственным глазом. Завистливо, что ли.

– Есть, – призналась Тина.

– Тогда еще раз попробуй. Не просто о Ромке думай. Нет, не просто. А с болью. Чтоб от самого нутра сила шла. Тогда пробьет.

Тина на всякий случай набрала в Пустосвятовке две канистры воды, чтоб посвежей вода была, а значит – по сильнее. Вернувшись, сразу же заперлась в Романовом кабинете. В этот раз пробиться удалось. Увидела Тина старинную усадьбу, обветшалую, запущенную, штукатурка на двухэтажном здании ободрана до самой кирпичной кладки, колонны портика сделаны заново, дверь тоже новенькая, хотя видно, что дубовая. И из этой двери выходит Роман Вер-

нон. Одет он в какое-то старье; прежде длинные волосы не обстрижены, а как будто ободраны и торчат во все стороны непокорными вихрами. Тина обмерла, нечаянно толкнула тарелку, изображение дрогнуло и пропало.

Тина вскочила, метнулась к двери, но тут же вернулась. Сердце колотилось радостно. Жив, жив Роман, хоть заклятия его и пали. Но он живой, только что виденный, там, на дне. Тина коснулась пальцами воды, и почудилось ей, что касается она Романа. Кожи его на щеке... Но чего-то испугавшись, отдернула руку. Села на диван. Надо успокоиться – все хорошо, живой он, занят своими колдовскими делами. И хорошо. А Тина сейчас к Эмме Эмильевне, жене Чудодея, побежит и все той расскажет. Потому что держать в себе такое силы нету.

Прошла неделя. Никто больше не пытался проникнуть в дом, но посетители все еще являлись каждый день поутру.

Однажды Тину на улице подкараулил какой-то подросток, круглолицый, в старой куртке, из которой он давно вырос. Тине показалось, что однажды она его уже видела. Точно видела – в тот день, когда...

– Вы тоже, как господин Вернон, по воде найти можете... ну, если кто пропал? – спросил парнишка.

– Я не могу, – тут же принялась отнекиваться Тина.

– Почему?

Она растерялась. Не могла объяснить, почему не может делать то, что умеет Роман.

– Господин Вернон мне самых главных заклинаний не открыл, – соврала, хотя точно знала – не в заклинаниях дело.

– Жа-аль, – протянул подросток. – А может, попробуете? Может, у вас получится?

Тина отрицательно замотала головой.

– Кого ты ищешь? – спросила все же.

– Друга. Он уехал. Исчез.

– Вернется, – пообещала Тина.

Паренек ничего больше не сказал и ушел.

Время бежало. Но Роман так и не появлялся.

Осень тянулась медленно, через силу наступила зима, и дни полетели, как снежинки. Однообразно бесцветные, они таяли и уходили в небытие.

Под Новый год позвонил отец Романа и спросил, не вернулся ли его неблагодарный сыночек. Голос у Воробьева-старшего был испуганный. Как только Тина сказала «еще нет», старик тут же повесил трубку.

В деньгах Алевтина не нуждалась – Роман оставил наличными крупную сумму. Но безделье, которое подле Романа было милым и естественным, теперь обернулось мучительной тоской. Тина не однажды рылась в бумагах колдуна, пыталась найти тайные заклинания, да все без толку. Записи господин Вернон делал пустосвятовской водой, и проявлялись они от теплоты колдовского дыхания. Тина пробовала дышать на страницы, но ни одной строчки не возникло. Не хватало Тининога дара для явления текста.

Новый год Тина встречала в одиночестве. Под бой курантов выпила шампанское, мысленно чокнулась с Романом.

– За тебя, – прошептала.

И вдруг увидела, что напротив нее сидит Медонос и качает головой, будто упрекает Тину за легкомыслие. При этом правая рука, в которой Тина держала бокал, онемела, в кожу впились тысячи уголков.

– Роман любит другую, – провозгласил призрак Медоноса вместо ответного тоста и исчез.

Проклятый!

Онемение в руке прошло только к утру. Не сразу Тина сообразила, что именно в правой ладони лопнул заговоренный флакон. Тина произнесла все известные ей заклинания для снятия порчи. Не получилось. К Чудодею идти было стыдно, позор-то какой, простых заклинаний ассистентка знаменитого колдуна не знает. Не себя боялась опозорить, – Романа подвести. Ладно, пусть ноет рука, не отвалится, вытерпеть можно.

Рука продолжала неметь время от времени, и Тина роняла то чашку, то стакан, то авоську с продуктами на улице.

Так весна миновала.

Летом призрак Медоноса являлся раз пять. А может, и больше. Лишь для того, чтобы произнести одну-единственную фразу. Всякий раз при его появлении правая рука застывала, в пальцы впивались невидимые иголки. Тина опрыскала домпустосвятовской водой. Не помогло.

Еще Тине чудилось, что наблюдает за ней кто-то. У ворот поджидает и идет следом. Она даже видела этого человека раза два: высокий парень в светлом плаще, он пытался слиться с толпой, не умел: Тина уже узнавала его с первого взгляда. Тина не знала кто он – поклонник или вор но от встречи этот парень каждый раз уклонялся. Почему-то Тина решила, что он – из «органов». Посему окликать не стала. Надо – сам подойдет.

Человек в плаще не подошел ни разу.

Вновь осень закружила желтолистьем.

Однажды вечером в ворота постучали. Тина засомневалась – открывать ли? Что Романовы заклинания? Оборонят в этот раз или нет? Все-таки год миновал. Одно слабенькое Тинино заклинание оградить не могло. Она подошла к воротам и выкрикнула срывающимся голосом:

– В чем дело?!

– Это дом Романа Вернона? – спросил мужской голос, тихий и какой-то мягкий, ватный.

– Ну...

– Вы, верно, меня не помните. Я бывал у вас в гостях один раз. В том году еще.

– Не помню, – честно призналась Тина.

– Данила Иванович Большерук. До воздушной стихии касаюсь, когда сия стихия мне это любезно позволяет.

Тина кивала, ожидая, когда же Данила Иванович перейдет к главному.

– Я его нашел, – проговорил Большерук.

– Что нашли? – не поняла Тина.

– Романа Вернона.

Тина так растерялась, что распахнула калитку. На улице стоял человек лет пятидесяти или даже ближе к шестидесяти, в потрепанной куртке, трикотажных штанах и резиновых сапогах до колен. На голове – вязаная шапочка с тощим помпоном. Человек походил на сельского учителя или врача. Кажется, прежде Тина его в самом деле встречала.

– Где Роман? – спросила она слишком уж громко. – Где он?

– У меня дома. Лежит.

– Что с ним? Он болен?

– Ну, вроде того.

– Сейчас пальто надену. Я быстро, – пообещала Тина.

Кинулась в дом. Замерла на пороге. А вдруг ловушка? Нет, все нормально – ожерелье в этот раз даже не дернулось. К тому же имя Большерука она слышала, и не раз. И внешность его вроде как напоминает, особенно окладистую бороду. Тина надела пальто, кинулась к двери. В этот момент будто кто-то ее остановил.

«Вода», – шепнул голос, похожий на голос Романа.

Тина вернулась на кухню, схватила бутылку спустосвятовской водой и выскочила из дома.

## Глава 2

### Возвращение

Данила Иванович был старым колдуном. Старым – в том смысле, что занимался магией еще в те времена, когда считалось, что подобных сил не существует вовсе. В дни торжества материализма Данила Иванович напрасно демонстрировал профанам наличие в мире колдовской силы, напрасно лез из кожи, доказывая, что с помощью этой силы можно людей спасать. От несчастной судьбы спасать, от болезней и злобы. Особенно от злобы. Самым страшным было не то, что Даниле не верили – в этом случае он мог бы еще что-то доказать, продемонстрировать наглядно дар. Ему просто говорили «нет». Захлопывали дверь, воздвигали стену, поворачивались спиной. Как будто очень сильно боялись. Эти однообразные закорючатые спины, прикрытые добротными пиджаками, приводили Данилу Ивановича в бешенство. Он называл это «спиннохребетным заговором» и пытался бунтовать. Лекарил без разрешения, вылечивал и даже порой буквально поднимал со смертного одра. Слава его вспыхивала мгновенно подожженной соломой. Толпы недужных устремлялись к нему за помощью. Обиженные природой и судьбой, все, кому необходима вера в чудо, ходили по пятам. А следом являлись люди в сером с серыми лицами делать внушение. Данила Иванович покорялся потому как никогда не получалось у него быть дерзким и непокорным до конца. Проходило время, старый колдун вновь начинал куролесить. И вновь, прогремев мгновенно, вынужден бывал прекратить, замолкнуть, исчезнуть. Но эти краткие вспышки ничего не могли изменить и никого – взбудоражить. Данила Иванович как бы не существовал.

И вдруг стена исчезла. Рассыпалась, растаяла, испарилась. Вместо стены образовалась пустота. Можно было ходить повсюду: по кривым дорожкам, в стороны неведомые, вперед, назад. Летать вдруг разрешили – если, конечно, ты умел летать. А ведь прежде Данила Иванович умел! Когда-то, очень-очень давно. Поднимался в воздух и парил в поисках линзы чистого вольного воздуха.

Попробовал вспомнить прежнее. Рванулся. Поднялся на метр от пола и рухнул. Стукнулся локтем и коленом. Расплакался от обиды, а не от боли. Понял в тот миг, что исчезновение стены его не радует, и ничто на свете обрадовать не сможет. С тех пор тихая печаль поселилась в сердце старого колдуна, и стал он жить с ней, как с нелюбимой, старой женой, от которой уйти невозможно.

Вновь принялся снимать порчу и исцелять, но уже не ради чего-то высшего, недоказуемого, ирреального, а ради хлеба. И это теперь угнетало его больше прежнего непробиваемого, непобедимого «спиннохребетного» заговора.

Но колдун не может не колдовать. Колдовство в конце концов подчиняет себе колдуна.

В Темногорск Данила Иванович приехал случайно. Прочитал в какой-то газетенке, что город этот всегда славился колдунами. Оказалось, бульварная пресса не обманула, и город оказался именно таким, каким его описали в статейке. Но среди родной братии Даниле Ивановиче не стало ни вольготнее, ни радостнее. Хотя все у него было как у других: в Синклит приняли, дом он купил на Ведьминской, в самом начале улицы, у леса, то есть на окраине.

Но вышло так, что все, или почти все колдуны из того поколения, к которому принадлежал Данила Иванович, уже успели в застойные годы как-то пробиться, и пусть по мелочи, но заявить о себе. И как только открыли крышку – бац! – выскочили они могучей кучкой, один к одному, будто боровики после летнего дождика. А Данила Иванович припозднился. То есть он тоже вошел в силу, была у него своя клиентура и прозвище хорошее – Данила Большерук. Но при всем при том он почему-то всегда стоял в конце списка. И молодежь, которая ни минуты от прежнего режима за свои колдовские штучки не пострадала, обходила его без стеснения, устремляясь к славе и деньгам. Возможно, Данила Иванович тоже стремился и к деньгам, и к

славе. Но как-то вяло. И потому другие его опережали. К тому же мешали застарелые мечтания. Уходил он на целый день в лес и предавался этим своим мечтаниям ни о чем. Вернее, о том, что вокруг повсюду вольный воздух, и все им дышат, и пьянеют и наслаждаются.

Однажды прочел старый колдун объявление в газете, что сдается напрокат воздушный шар – газеты Данила Иванович иногда почитывал.

«Почему бы и нет? – сам себя спросил Большерук. – Раз колдовским образом летать больше не могу, полечу на шаре».

И арендовал воздушный шар, хотя день проката латанного видавшего виды монгольфьера стоил немало. Нанял Данила Иванович воздухоплатателя и отправился в полет искать линзу чистого вольного воздуха. Несколько часов парили над лесами и полями, ничего не нашли и едва не разбились. Потому как из-за леса вылетел навстречу вертолет и ринулся напрямиком на них. Почему, зачем, Данила не понял. Может, легчик слепой был? Или заснул? Оно конечно, лопастями вмиг шар изувечить можно, но и сам вертолет за милую душу рухнет. Данила Иванович не растерялся, воззвал к родной стихии, к вольному ветру. Ветер попался послушный, налетел, рванул и унес монгольфьер наверх и вбок, а вертолет промчался мимо. Воздухоплататель выругался очень даже некрасиво, сказал, что никуда дальше не полетит, а будет немедленно садиться на ближайшем поле. А как Данила Иванович доберется до дома, его, воздухоплатателя, совершенно не интересует. Может хоть пешком идти – ему насрать. Данила Иванович пожал плечами. Его не удивляло, что человек испугался, все живое в мире пугливо, – на том жизнь и держится. А вот почему человек после того, как опасность и все страхи миновали, так ругается, этого Данила Иванович понять не мог.

Однако спорить колдун не стал, ему уже давным-давно надоело спорить с кем бы то ни было. Монгольфьер опустился на поле, где недавно росла свекла: почерневшая, посеребренная инеем ботва, все еще рядками лежала в межах. Данила Иванович даже немного помог своему возчику – ветер успокоил и воздух из шара выдул, так что тот мятой тряпкой прихлопнул корзину, как только люди спрыгнули на землю. Воздухоплататель стал вызывать по мобильнику свой трейлер, матюгаясь через слово, что опять было удивительно, потому что Данила Иванович за полет заплатил вперед баксами. Большерук обиделся, произнес заклинание, так что незадачливый его помощник частично потерял голос. То есть при обычных словах воздух у него нормально проходил, заставляя вибрировать голосовые связки, а при словах, мягко говоря, грубых, бунтовал и шел другой дорогой, отчего воздухоплататель издавал звуки тоже неприличные, но лишённые какого бы то ни было смыслового значения. Данила Иванович сознавал, что поступил как человек несовременный, чуждый передовым течениям в колдовской науке, но уж больно его задевало, когда чистую стихию использовали для создания непотребных слов. Впрочем, заклинание он наложил временное, всего на десять месяцев и десять дней.

Итак, Данила Иванович пересек поле и углубился в лес. Идти было далеко, но это его не смущало. Погода стояла тихая, ясная, после недавнего морозца грибников поубавилось, помешать прогулке вряд ли кто мог. У Данилы Ивановича было с собой штук двадцать пластиковых бутылок в рюкзаке, надеялся он их наполнить, обнаружив линзу чистого воздуха в вышине. Теперь он шел по лесу и сосуды свои разбрасывал. А разбросав, присел на камешек подождать, когда воздух прежний из бутылок вытечет, а вольный воздух сам собой в бутылки заберется. Впрочем, бутылки, выброшенные грибниками и туристами, тоже для этой цели подходили. Потому как лесной воздух заползал в эти бутылки добровольно. То есть был чистой, неподкупной, вольной стихией. Надо было осторожненько подкрасться к такой бутылке, чтобы вольный воздух не спугнуть, наложить особое заклятие, пробочку закрутить – и у тебя в руках частичка свободы. Настоящей, подлинной, ни с чем не сравнимой свободы. Дело это было сложное. Чаще всего вольный воздух, почуяв, что его хотят пленить, быстренько утекал, и тогда в руки колдуну попадала бутылка, наполненная самой обычной смесью азота с кислородом, ну и с

прочими газообразными добавками. Но два, а то и три раза за день Даниле Ивановичу удавалось перехитрить стихию и пленить.

Свободный этот воздух обладал удивительными свойствами. Во-первых, глотнув его, человек на миг становился счастлив. Так счастлив, как никогда до того не бывал в жизни. А потом – если, конечно, подтолкнуть его к этому парочкой удачных заклинаний – человек вдруг начинал понимать, что в его жизни плохо, что плохо очень, а где подлинное счастье и радость, прежде почему-то не замечаемые. А еще – и это бывало довольно часто – человек вдруг осознавал, что все тяготы – на самом деле ерундовые. Главное – совсем в другом. Но случалось, что, глотнув воздуха из волшебной бутылки, человек делался совершенно как потерянный, болезни все обострялись, и нападала на несчастного какая-то особая тревога. Потому Даниле Ивановичу приходилось действовать с опаской, и если были сомнения, давал он воздушную стихию пробовать по капельке и глядел, не удручает ли клиента эта капелька. Отдельные личности, бывало, пьянели и безумели от одного глотка, свершали что-нибудь невероятное. Были такие, на кого нападал страх, на других – жадность и неистребимая жажда все заполнить. Многие вовсе не замечали, что дышат каким-то особенным воздухом.

Но более всего Данилу Ивановича занимало, как поведет себя колдун иной стихии, если дать ему глотнуть вольного воздуха из бутылочки. Однако до сей поры такого случая не представлялось.

Выждав положенное время, Данила Иванович собрал разбросанные бутылки. В две из них забрался вольный воздух и теперь был надежно запечатан и пленен.

Старый колдун уже отшагал изрядно, до дома оставалось метров пятьсот. И тут Данила Иванович увидел мертвеца. То есть в первый миг он подумал, что это мертвец – человек лежал ничком неподвижно. Лежал он, судя по всему, уже изрядно, потому как палая листва слегка его присыпала. Одет лежащий был только в джинсы. Кожа у него была белая, как снег, а волосы черные...

Осторожно Данила Иванович приблизился. Человек не шевелился. Но при этом Данила Иванович почувствовал, что неизвестный дышит. Издалека еще почувствовал – воздух втекал в легкие человека и вытекал, тут обмануться воздушный колдун не мог. Наклонившись, Данила Иванович тронул лежащего за плечо. Кожа была теплой, но неизвестный не пошевелился. Воздушный колдун перевернул тело. Перед ним был парень лет тридцати – лицо с орлиным носом и острыми скулами, брови черные и густые, глаза полуприкрыты, так, что казалось, будто человек наблюдает за происходящим.

Теперь Данила Иванович наконец узнал своего найденыша. Роман Вернон! Водный колдун, что исчез год назад, с тех пор в Темногорске о нем не было вестей. Оно, конечно, изменился водный колдун сильно за минувший год, не сразу и узнаешь. Но кто ж не слыхивал про знаменитое плетеное ожерелье? Вон как серебряная нить переливается! И дергается, будто из ожерелья выскочить хочет. А на мизинце кольцо серебряное с зеленым камнем. Не простое кольцо – оберег. Интересно, можно его снять или нет? Вышло, что можно. Большерук легко сдернул кольцо и положил в нагрудный карман своей куртки. Чтоб не потерялось.

На груди Романа было семь не слишком глубоких порезов, идущих поперек туловища. Кровь уже застыла. Странно, но порезы были сделаны очень ровно, на одинаковом расстоянии друг от друга, как будто некто провел их ножом по линейке.

Данила Иванович тряхнул Романа за плечо. Но тот даже не дернулся. Парень был точь-в-точь мертвец, только дышал.

«Плохо дело», – вздохнул Данила Иванович.

Сомнений не оставалось: у Романа Вернона сильнейший колдовской шок. Для колдуна это так же опасно, как для обычного человека шок болевой. Что же делать? Тащить его к себе домой? Тяжело. Данила пошлепал лежащего по щекам. Никакого эффекта. В этот миг Боль-

шерук вспомнил о желании испытать вольную воздушную стихию на колдуне другого склада. Повелитель воды Роман Вернон как раз подходил. Данила Иванович решил попробовать. Большерук был человек озорной почти по-детски. Достал он бутылку с вольным воздухом, откупорил пробку, произнес заклинание и – фр-р-р... – вольный воздух дунул водному колдуну в ноздри. Тут с лицом Романа сделалось что-то совершенно невозможное – будто чьи-то сильные пальцы ухватили за щеки, нос, губы и попытались содрать с лица кожу, как маску. Голова колдуна приподнялась, волосы его растрепал жесточайший ветер. Это при том, что на самом деле никакого ветра в лесу не было, а были тишина и покой, и слышался только шорох падающих листьев. Глаза Романа внезапно раскрылись, и в них была такая боль, что Данила Иванович невольно отпрянул. В тот же миг невидимая рука сорвала с господина Вернона прозрачный светлый покров, и покров этот мелькнул меж стволов и пропал. Тотчас неведомый вихрь унялся, водный колдун бессильно откинул голову и затих. Данила Иванович вздохнул с облегчением и провел ладонью по лицу. Если сказать честно, то Большерук в тот миг не понял, что произошло. А догадался некоторое время спустя, но о своей догадке распространяться не стал.

Делать нечего: Данила взвалил водного колдуна на плечи и понес. Рюкзак с бутылками пришлось бросить – лишь два пузыря с вольным воздухом Большерук сунул в карман куртки. Водный колдун лишь постанывал, да иногда непроизвольно дергался, но в себя не приходил. Однажды прошептал, правда:

– Надя...

Но тут же замолк.

Данила Иванович уже отшагал метров триста и выбрался на грунтовую дорогу. Но так притомился, что опустил неудобную ношу на землю, сам присел сам на камень. Глотнул для поддержания сил вольного воздуха из бутылки.

– Как он? – спросил неведомо откуда взявшийся мужчина лет тридцати пяти. Не грибник, это ясно, одет не для леса: тонкий свитер, брюки из тонкой ткани, вместо сапог кроссовки. Ни сумки при нем, ни корзины.

При ближайшем рассмотрении незнакомец показался Большеруку очень даже симпатичным – круглолицый, улыбчивый, глаза так и лучатся.

– Я – врач, – сказал незнакомец и, не дождавшись ответа, склонился над Романом. Судя по всему, состояние водного колдуна врачу не понравилось.

– Он приходил в себя? – спросил эскулап, хмурясь.

– На минуточку, пробормотал что-то невнятное и опять отрубился. У него колдовской шок. Я – целитель, в таких вещах понимаю.

Как ни странно, врач не стал спорить, сам взвалил Романа на спину и зашагал по дороге. Данила Иванович припустил следом. К изумлению своему обнаружил, что приходится бежать трусцой – странному эскулапу ноша оказалась не в тягость.

– Я тут на опушке живу. Можно ко мне занести, – предложил Большерук.

– Конечно, – отвечал врач. – Ему сейчас покой нужен прежде всего. И вода.

Дом Данилы Ивановича был стар, просторен, украшен многочисленными верандами с цветными стеклышками и давным-давно нуждался в капитальном ремонте. Но хозяин с некоторых пор относился со спокойным равнодушием к обоям, занавескам, половикам, диванам и стульям. Лишь за одним следил строго – чтобы окна в доме всегда сверкали чистотой, весело поигрывали разноцветными стеклышками в старых рамах, да еще, чтоб непременно форточки были распахнуты и ветер гулял по всем комнатам. Затхлости и дурного запаха воздушный колдун не переносил.

Незнакомец уложил Романа на старый диванчик в просторной гостиной, накрыл пледом.

– Может, в больницу его отвезти? – предложил Данила Иванович.

К изумлению Большерука, человек, назвавший себя врачом, очень твердо сказал: «Не надо». И попросил у хозяина бутылку минеральной воды. Станный врач открыл пробку, нюх-

нул раз, другой, вылил воду Роману на лицо, после чего, ни слова не говоря, выбежал из гостиной. Данила Иванович, ошарашенный подобным методом лечения, несколько минут стоял, не двигаясь, потом подбежал к окну. Врач уже пересек двор и теперь мчался по улице, как будто опасался, что Большерук кинется его догонять.

Данила Иванович огладил двумя руками усы и бороду и стал думать, что делать дальше. Ясное дело, с водным колдуном непорядок. Но ясно было так же и то, что официальная медицина помочь Роману Вернону никак не может. Разве что еще один эскулап спятит, как давешний. Лучше всего позвонить Чудодею. Но Большерук со звонком медлил.

– Что за черт? Где я? – услышал Данила Иванович. Обернулся. Роман сидел на диване и массировал шею, время от времени поглаживая серебряную нить водного ожерелья. Похоже, Большерука он заметил не сразу, а заметив, спросил: – Кто вы?

– Не узнаешь? Данила Большерук. И ты у меня в доме.

– Да? Почему?

– Я в лесу тебя нашел, в беспамятстве.

Водный колдун продолжать разговор не стал, вновь повалился на подушки. Кажется, заснул.

Тут Данила Иванович очень вовремя вспомнил про ассистентку Тину, что жила в доме господина Вернона, и решил сходить за нею. Пусть решает, что со своим хозяином делать.

Когда они добрались до жилища Данилы Ивановича, уже совсем стемнело. Большерук провел Тину в гостиную, в которой всех вошедших поражал эркер с рамами от потолка до самого пола, с разноцветными стеклами. В поздний час цветные стекла казались черными, но нетрудно представить, как радостно в этой комнате бывало в солнечный день, когда повсюду трепетали пестрые пятна света и тени.

На диване у стены, накрытый пледом, лежал Роман. Глаза колдуна были полуприкрыты, а рот застыл в болезненной гримасе. Когда Большерук и Тина вошли, он даже не повернулся, не приподнял головы. Колдуна била дрожь – Тина слышала, как стучат его зубы. Плед с него наполовину сполз, и Тина увидела красные полосы на груди Романа.

– Что с ним? – спросила Тина.

– Колдовской шок, – объяснил Данила Иванович. – Судя по всему, кто-то вырезал из его кожи несколько ожерелий. Против воли. Вот раны и не затягиваются.

– Чепуха! – вскинулась Тина. – Когда из пореза водную нить достают, кожа сама собой закрывается. Сама видела.

– Ну, тебе виднее. Я сказал, что думал, а ты думай, как знаешь.

– Ничего я не знаю, – тут же уступила Тина. – И что теперь делать?

– Ничего. Ждать. Само собой должно пройти. Только шрамы останутся. Как на губе.

Теперь Тина и сама заметила тонкий белый шрам, что увечил нижнюю губу Романа и подбородок. Прежде шрама не было. Водный колдун мог любой порез заживить без следа. Почему этот след на губе оставил – неведомо.

Тина вынула из кармана пальто бутылку с пустосвятовской водой и влила несколько капель меж полураскрытых губ Романа. Колдун дернулся, будто его тряхнуло током, потом сделал судорожный глоток. Тина повторила процедуру. После третьего глотка лежащий открыл глаза и обвел комнату мутным взглядом.

– Что случилось? – спросил.

Тина так обрадовалась, что слезы сдавили горло, и она не могла вымолвить ни слова. Вместо нее ответил Данила Иванович:

– Тебя в лесу без сознания нашли.

– А... – протянул Роман и уставился в потолок – дощатый, выкрашенный в светло-голубой цвет, с серыми вуалями паутины по углам. – Почему я не дома? Почему здесь? Воды перепил?

– Разве ты не слышал: тебя нашли. Вот он нашел! – Тина кивнула в сторону хозяина.

– Данила Иванович... Да, кажется, с ним я уже говорил.

Колдун взял у Тины бутылку с водой и принялся жадно пить, ни капли, однако, не проливая. Казалось, каждый глоток возвращает ему силы. Силы, но не память. Потому что, когда колдун сел на кровати и спустил босые ноги на пол, первым делом спросил:

– Что было?

– В каком смысле?

– Я чувствую, что-то было, и очень важное... давно, – Роман нахмурился, – Но что именно – забыл. Я сидел у себя в кабинете, вел прием... Какое сегодня число?

В его голосе послышался страх. Честно говоря, Тина не помнила, чтобы Роман чего-то боялся. Нет, она знала, что он боится огня и огнестрельного оружия. Но чтобы вот так – беспричинно...

– Тебя не было в Темногорске целый год. Вернее, чуть больше. Ты уехал и...

– погоди! – прервал он ее рассказ. – Не здесь! Домой сначала пойдем. Принесла, во что мне одеться?

Тина затрясла головой:

– Только воду. Хочешь, возьми мое пальто.

– Нет. – Роман перевел взгляд на Данилу Ивановича. – А у тебя что-нибудь есть?

– Плащ могу дать, сапоги резиновые.

– Не густо. Ладно, давай сапоги и плащ.

– Далековато топать, – покачал головой Большерук. – Не дойдешь.

– Дойду!

Тина спорить не стала. Когда водный колдун говорит таким злым голосом – лучше ему не перечить. Роман закутался в летний старенький плащ, сунул ноги в резиновые сапоги и, сутулясь, направился к двери.

– погоди! – окликнул его Данила. – Оберег возьми. – Он протянул водному колдуну кольцо с зеленым камнем.

– Разве это мое? – Роман взял, повертел в пальцах. – Это же дедово кольцо! Ну да, дедово. Но как оно у тебя очутилось?

– Оно у тебя на пальце было. Я снял, чтоб не потерялось.

Роман подозрительно посмотрел на Большерука, но ничего не сказал. Надел кольцо на палец и вышел.

Ну, вот он и дома. Все как будто по-прежнему. Неужели год миновал? Что-то все-таки изменилось: на окнах в кухне новые занавески, посуда на столе другая. Но в остальном дом все тот же, уютный старый большой дом, перестроенный и отделанный заново под нужды Романа Вернона, обихожанный не слишком трудолюбивой, но все же женской Тининой рукой.

– Ромочка, дорогой, я тебя ждала все это время. Каждый день думала: ну, вот сегодня вернешься. Что с тобой было? Где? – хлопотала, как прежде, на кухне Тина, расставляя тарелки и нарезаая хлеб.

– Ванну сделай мне, и чтобы погорячее, – попросил Роман.

Тина удивилась. Никогда прежде колдун ее подобными просьбами не озадачивал. Горячая вода или холодная – ему было все равно, лишь бы вода была чистой.

– Раны будут кровоточить, – предостерегла она.

– Плевать. Налей горячую воду, какую только можно терпеть. Скорее.

Он вынул из холодильника кусок сыра и откусил половину, будто хлеб.

– У меня суп есть, пельмени, – затараторила Тина, испытывая невыносимый стыд. Она так гордилась прежде своим даром. И вот, когда надобится вся ее колдовская сила, какая ни есть, предлагает патрону суп и пельмени.

– Ванну! – повторил Роман скрипучим больным голосом. Лицо его исказилось, будто от острой физической боли.

Он швырнул в Тину недоеденным куском сыра. Она взвизгнула и кинулась вон из кухни.

Струя с шумом извергалась из крана, Тина смотрела, как поднимается уровень воды, кромка осторожно крадется вверх.

Что же произошло? Тина терялась в догадках. Ясно было одно – Роман потерял память и начисто забыл все события прошедшего года. Колдун все позабыл! Невероятно! Невозможно! Такого просто не может быть. Однако выходило по всем статьям, что кто-то водному колдуну память стер. Значит, некто оказался сильнее Романа. При одной этой мысли Тина испытывала за своего кумира смертельную обиду. За себя бы так не обиделась. А вот за него... Тина всхлипнула.

Роман отстранил ее, выключил воду и погрузился в ванну. Вода тут же сделалась темно-розовой – кровь так и хлынула из порезов. Тина видела, что колдуну очень больно – желваки ходили на скулах, глаза были плотно зажмурены, а пальцы вцепились в края ванны. Но Тина не знала, чем помочь.

– Значит, меня не было ровно год? – спросил он вдруг.

– Чуть больше. Я тебя искала. По водному зеркалу пыталась найти. Но не получилось. То есть получилось два раза, но ты не отозвался.

Роман помолчал. Кажется, боль понемногу отпускала, во всяком случае, складки на лице колдуна разгладились, и выражение сделалось почти умиротворенным. А вода в ванной становилась все темнее и темнее.

– Сколько у тебя бутылок с пустосвятовской водой?

– В доме – литров двадцать.

– Ты воду из тайника не брала?

– Ну что ты, Ром...

– А я думал, ты без меня практику широкую открыла, клиентуру перехватила и зелень гребешь лопатой.

– Роман Васильевич! – У Тины запрыгали губы – в который раз!

– Я бы не обиделся. Это нормально – оседлать случай. Да и славу мою поддержала бы. Ладно, проплыли... Итак, вода. В тайнике литров пятьдесят должно быть. Итого, семьдесят литров – это прилично. Но только сила в воде ослабла наверняка. Такая вода сойдет для малых дел. А мне нужна свежая. Ладно... Завтра... – Роман скорчил болезненную гримасу, и Тина увидела, как в воду из раны медленно выползают похожие на пиявок черные нити. Роман схватил их, рыча от боли и отвращения, вырвал из тела и швырнул на пол. Несколько мгновений они шевелились, а потом замерли и медленно растеклись черной лужицей.

– Не трогай! – остерег он. – Ни в коем случае не трогай. Это еще не все. Я знаю, это не все, – колдун тяжело дышал. – Сейчас дай полотенце. На сегодня хватит. – Он закутался в махровую простыню, не замечая, что марает ее кровью. – Сейчас я лягу. – Роман вцепился в плечо Тины, вылез из ванны и зашлепал босиком в спальню. – Так... лягу... Мне станет легче... Завтра поеду в Пустосвятово. И все... все будет хорошо...

– Роман, миленький, что ж это такое? – Она видела, что его бьет дрожь.

– Иди, я же сказал – иди. Спи... Хорошо все будет.

– Я с тобой лягу.

– Иди! – Это был приказ, тут сомневаться не приходилось.

Поверх махровой простыни он натянул одеяло и затих. Тина на цыпочках вышла из спальни и прикрыла дверь.

Повернулась. И отпрянула. Призрак Медоноса стоял в коридоре и сокрушенно качал головой.

«Он любит другую...»

– Нет! – крикнула Тина и в ярости топнула ногой.

Призрак исчез.

Тина бросилась к себе в спальню, укрылась одеялом с головой. Но печальный голос все шептал: «Он любит другую...»

И поделать ничего было нельзя: не может Тина снять порчу. И Романа просить не смеет.

«Он любит другую», – шептал мерзкий голос и не давал заснуть.

## Глава 3

### Загадка Пустосвятово

Роман проснулся в три часа утра. Темень. Тишина. Даже собаки не лают. Боль в ранах почти не донимала. Слегка саднило. Терпимо. Колдун вновь дома, но не обрел привычного покоя. Напротив, какое-то тревожное предчувствие томило. Тревога все росла. Почему – не ясно. Дом как будто прежний, охранные заклинания на окнах и дверях, повсюду – знакомое колебание энергии. Ничего чуждого, никаких повреждений. Может быть, что-то в самом Романи изменилось за минувший год?

Колдун лежал, смотрел в потолок. Год назад он умчался из Темногорска. А куда, не помнит. Зачем, – тоже не знает. Уехал и где-то бродил. Что-то случилось за этот год, что-то важное, смертельно важное, но что, он не подозревал даже. Бред... Колдун, потерявший память, не может колдовать. Особенность, так сказать, профессии. Роман силился хоть что-то вспомнить, но не мог. Ничего. Провал. Тьма. Память ему стерли умело. Кто? Зачем? Он не мог поверить, что неведомый враг оказался настолько силен, что смог учудить подобное с ним, Романом Верноном!

А колдовской шок? Тут объяснение куда проще. И куда страшнее. Выходило, кто-то пленил колдуна и вырезал насильно из его кожи ожерелья. Но на такое способен лишь причастный к водной стихии. Получается, другой водный колдун скрутил господина Вернона и подчинил. Ну что ж, остается только признать поражение. Роман чувствовал, что опасность ему грозит нешуточная, но откуда и от кого, не ведал. Получается...

Он не стал эту мысль додумывать, вышел в сад, раскидал за сараем палую листву, ухватил вынырнувшее из-под прелых листьев скользкое металлическое кольцо и рванул крышку погреба. Здесь был тайник, неприкосновенный запас на крайний случай – дубовый бочонок с пустосвятовской водой. Роман выбил пробку и налил сверкающей синеватой влаги в деревянный ковшик, стоявший тут же на сосновых плашках. Хороша водица, сильная! Будто только что из реки. Недаром Роман заговаривал бочонок с рассвета до заката. Колдун сделал три долгих жадных глотка. Затем скинул одежду и облился. Животворящие капли потекли по телу, возвращая утраченную силу, но порезы не заживили.

Вода была все еще вполне пригодной для колдовства. Можно и не мчаться поутру в Пустосвятово, отложить поездку на день.

Роман вернулся в дом, поставил бочонок на кухне.

Так что произошло год назад? Важное? Или не очень? Пытаться вспоминать, хмуря брови и потирая лоб, бесполезно. Все забылось с того дня, как... Стоп! Волшебный сон или сон наяву – вот что должно восстановить память. Смочить веки пустосвятовской водой, произнести заклинания, и во сне колдун переживет заново события минувшего года. Ни одно колдовство не способно стереть память без остатка даже обычному человеку. Ну, а колдуну – тем паче. Спору нет, колдовской сон опасен – сам того не осознавая, спящий может начать колдовать, и что из этого выйдет – никому неизвестно. Но другого способа вернуть стертое из памяти Роман придумать не мог.

Колдун прихватил ковшик с водой и поднялся в спальню. Вспоминать придется долго – час за часом, день за днем. Конечно, во сне события будут происходить быстрее, чем наяву, в снах минуты вместят дни и ночи. Но все равно понадобится немало часов, чтобы увидеть события целого года. Тину бы предупредить. Но он не стал ее тормошить – пожалел. Сам от волшебного сна очнется, когда влага на веках высохнет.

Роман растянулся на кровати, смочил веки пустосвятовской водой. Потом зажмурился, произнес заклинание.

И начались

## ВИДЕНИЯ.

Река была как серебро. Дыхание ветра улеглось перед рассветом, но мелкая рябь бежала по воде. Опрокинутые деревья подрагивали в водном зеркале черным узором. В такие минуты могло почудиться, что вода светится не отраженным, а собственным светом.

Ах, какая была вода в тот вечер в реке! На вкус – чистый мед. Теплая, как парное молоко. Она баюкала колдуна. Кто знает, может быть, она им гордилась? Наверняка! Так гордится мать успехами единственного сына.

Когда колдун выбрался на берег, вода шепнула:

– Только не проиграй.

Он отмахнулся: не до тебя, мол, и твоих опасений.

Потом долго сидел на берегу, обхватив руками колени; с наслаждением вдыхал влажный воздух, текущий с реки. Колдун еще не успел обсохнуть после купания, тело покалывали тысячи крошечных иголочек – свидетельство дарованной водой силы. Радостно было ему глядеть на реку – чудилось, что вода, текущая у ног своего повелителя, нашептывает ему что-то важное. Детство, как минуты утренние, тем и хорошо, что преходяще. Сейчас встанет солнце, коснется золотыми пальцами вершин деревьев. Дунет ветер. Заплещет река, и...

Не то!

Роман закричал и сел на кровати. Раны вновь начали кровоточить.

Нет, все началось гораздо позже. Зачем вспоминать в колдовских снах летние купания в реке? Память о тех днях не была утрачена. Август, дефолт, начало сентября. Какие-то сумасшедшие осаждали колдуна с требованиями предсказать курс доллара. Октябрь. Покушение на Аглаю Всевидящую. По личной просьбе Чудодея Роман искал убийцу. Нашел – Аглаин постоянный клиент, потерявший все деньги в августе. «Почему не предвидела, почему не предсказала!» – орал бедняга, когда за ним явились менты. Аглая объясняла неудачу помутнением провидческой силы. Ну что ж, бывает такое с колдунами.

Дальше – провал. Роман помнил лишь утро осеннего дня. Свои предчувствия и воду, что чернела от одного прикосновения. А вот дальше...

Колдун закрыл глаза, плеснул на веки влагой.

ВИДЕНИЯ...

Нахлынули.

Увидел себя со стороны – себя, ожидавшего событий. И мальчишку, что пришел к нему с просьбой узнать, *почему* убили отца. Юл Стеновский, белокурый тринадцатилетний подросток с удивительно светлой аурой, способный чувствовать то, что другим не под силу. Парнишка увел Романа за собой в...

Колдун вновь очнулся. Да что ж такое?! Почему вода так быстро высыхает на сомкнутых веках? Будто жар сжигает ее. Вот именно, жар... Нужно еще одно заклинание, чтобы влага сохранялась дольше. Чтобы не стекала по коже, а задерживалась в глазницах, как в чашах, и длила воспоминания.

– Тина! – крикнул Роман. В *то* утро он так же требовательно звал ее. Точь-в-точь таким же голосом, в котором слышались скрытая энергия и нетерпение.

Она прибежала. На девушке был коротенький махровый халат на молнии. Впрочем, молнию она не застегнула.

– Сколько времени? Рано еще? – спросил Роман.

– Да вон часы. На тумбочке.

– Они стоят.

Тина поглядела на секундную стрелку:

– Идут. Пять часов.

– Утра?

– Конечно.

– Помнишь мальчишку, что приходил ко мне на прием? Беловолосый. И аура у него совершенно необычная. Помнишь?

– Кажется, да, – отвечала она неуверенно. Про ауру, разумеется, ничего не знала, но сделала вид, что посвящена.

– Его звали Юл. Юл Стеновский.

– Ну, да, да. – Тина закивала охотно. Теперь тоже вспомнила, без всяких колдовских ухищрений. – У него еще отца убили. В газетах писали. Того человека застрелили в подъезде. Предприниматель.

– Убийцу нашли?

– Не... Нашли.

Колдун удивился:

– Когда?

– Да почти сразу же. Труп на пустыре кинули. Менты понаехали. По каким-то признакам решили, что это и есть убийца. Знаешь, от чего тот парень умер?

Роман пожал плечами.

– От обезвоживания, – с торжеством в голосе объявила Тина.

– Странная смерть для киллера, – невозмутимо заметил колдун. И добавил: – У этого парня были кроссовки сорок пятого размера.

– Откуда ты знаешь?

– Видел его следы на воде.

Да, Роман помнил теперь, как ходил к дому убитого и в луже разглядел отражение чьей-то руки, рукав кожаной куртки и след ноги, обутой в кроссовку. В своем сне наяву Роман снова вопрошал воду у подъезда, и она ему отвечала. Но не это было главным. Главным было другое: ниточка тянулась куда дальше. Изображение парня со светлыми, как у Юла, волосами появилось на дне тарелки с водой, едва Роман Вернон задал водной стихии вопрос: «Почему убили Александра Стеновского?» Этот блондин в светлом плаще не был убийцей, он был причиной, из-за него киллер всадил две пули Стеновскому в сердце. А на шее у незнакомца в светлом плаще сверкало серебряной нитью водное ожерелье. Вот оно! Вот! Вот к чему относилось предчувствие того дня. Предчувствие, от которого темнела вода, суля грядущие беды.

Кто-то сплел ожерелье и подарил незнакомцу. Значит, должен быть еще один, умеющий плести нити, кто мог покуситься на власть господина Вернона. А ведь прежде Роман считал себя единственным водным колдуном. И вдруг – известие, что соперник существует, что может отнять любимую стихию. Романа охватило чувство, похожее на жгучую ревность, которую ничем нельзя загасить. Колдун, не колеблясь, решил, что рано или поздно доберется до того, второго. Вернее, сначала до парня, что носит ожерелье, затем до искусника, что его сплел. Роман бросился в погоню. А дальше...

Колдун споткнулся о свое беспамятство, как о невидимый камень. Что было дальше, он не успел вспомнить.

Но вспомнит. Начало положено.

– Как ты тут без меня жила? Весело? Может, ухажер появился? – Грубоватая шутка. Но ведь год – время долгое. Кто знает.

Тина вдруг залилась слезами.

– Э, ну если кто появился... так чего плакать? А?

Тина затрясла головой: все не так, не так!

– Рома... меня изнасиловали... – выдавила сквозь рыдания.

Роман опешил. С минуту он не знал, что сказать. Потом спросил:

– Когда? Где?

– Вскоре как ты уехал. Здесь... в доме.

– Что за ерунда! Как же охранные заклинания? Чужак в дом проникнуть никак не мог. Или ты его сама впустила?

– Нет. Я спать легла. Вдруг слышу – шаги внизу. Ни одно заклинание не сработало. Ты на меня заклятие наложил перед отъездом. Так оно сначала защитило... А потом... ничего... не вышло, – всхлипывала Тина.

Роман не поверил поначалу. Но нет, она не лгала – такое придумать ее фантазии не хватает. И мучилась искренне. Но как могла такая беда случиться? Неужто вся колдовская сила исчезла и заклинания распались? Да распались ли? Вон, на входной двери до сих пор колдовской замок держится!

– Вот что, идем в кабинет, отыщем этого мерзавца, – предложил Роман.

Ему хотелось немедленно что-то сделать, исправить, перечеркнуть.

– Не надо, а...

– Почему?

Она замялась:

– Рома, с тобой что-то случилось, и ты даже не помнишь, что. Я бы не стала рисковать. Вдруг колдовской шок, ну... повлиял...

– А я рискну, – отрезал колдун.

Прежде чем войти в кабинет, Роман проверил охранные заклинания. Они действовали, хотя ослабели за год. Но никаких следов чьей-то враждебной воли.

Тина зажгла свечи, запах горящего воска смешался с запахом речной воды. Она села на стул, ссутулилась и отвернулась, чтобы на колдуна не глядеть. Роман шагнул к буфету. У него были четыре белые тарелки кузнецовского фарфора – колдун это помнил точно. Сейчас в буфете стояли только две. Что за ерунда? Кто взял? Он сам? Или кто-то другой? Тот, кто проник тайком в кабинет... Колдун постарался подавить гнев, сейчас любые эмоции только мешали. Поставил в центр стола тарелку, налил воды из кувшина. Взял Тину за руку, осторожно опустил ладонь девушки на поверхность воды.

– Думай, – приказал шепотом. И посмотрел ей в глаза.

Тина кивнула. Вода под ее ладонью замутилась. Пошли круги. Что-то мелькнуло. Тень. Свет. И пропало. Кто-то, куда сильнее Романа, не давал увидеть свое отражение. Колдун попробовал вновь. Опять не получилось. Круги, тени, свет. И вдруг сильнейшая отдача. Роман задохнулся от боли. Потом к горлу подступила тошнота. Но колдун не желал уступать. Отвечай же! Отвечай! – требовал он у подвластной стихии.

Вода в тарелке сгустилась, утратила прозрачность, сквозь муть уже стало пробиваться изображение. Лестница в его доме, дверь открывается и... Картинка треснула и разлетелась тысячами осколков, серая взвесь замельтешила в воде, а дно тарелки почернело.

Роман спешно выплеснул воду и перевернул тарелку. Донышко будто сажей припорошило: колдовской удар прожег фарфор насквозь. Этого Роман не ожидал. Что это могло значить? Объяснений не находилось. Накатил липкий животный страх – пустота в животе, ноги ватные, руки, будто не свои. Роман почувствовал себя мелкой тварью, на которую объявлена охота.

– Иди! – приказал Тине. – Видишь, ничего пока не получается. Завтра свежую воду привезу из Пустосвятово, тогда еще раз попробуем.

– Не надо! – в отчаянии выкрикнула Тина и кинулась вон из кабинета.

Кажется, неудача ее кумира поразила ее больше, чем колдуна.

Она хотела пожаловаться Роману, рассказать о призраке Медоноса, что преследует и не дает покоя. Но после неудачи с водным зеркалом ничего сказать не посмела. Да и как признаться Роману, что мерзкий голос постоянно твердит: «Он любит другую»?

Поражение обескуражило колдуна. Ничего подобного не бывало прежде. Может, колдовской шок виноват? Нет, ерунда. К тому же, шок почти прошел, хотя раны так и не закрылись. Причина в другом. Но в чем, водный колдун пока не ведал.

Надо вспоминать и вспоминать немедленно. И прогнать страх, как мерзкого приبلудного пса. Роман глотнул воды из бутылки, разбил испорченную тарелку и растянулся на диване тут же, в кабинете. Что за напасть! Одна тарелка осталась. А если и последняя вот так же, в черноту... У матери, кажется, были две. Надо выпросить. Ладно, о тарелках потом. Сейчас – вспоминать. Вновь смочила веки пустосвятовская влага, и колдун погрузился в прошлое. В свои

**ВИДЕНИЯ.**

Замелькали картинки. Вот неизвестные похищают парня с ожерельем. Вот Юл стоит у обочины, и кто-то стреляет в мальчишку. Чудом спасенный, пацан уже сидит в машине Романа, и они мчатся по следу похищенного – ожерелье незнакомца ведет их за собой. Осенний вечер. Темнота. Берег озера, и на берегу – недостроенный особняк, в котором пытаются пленника. Четыре минуты есть на то, чтобы его спасти. Пришлось потратить немало сил, сначала на то, чтобы обездвижить охрану, потом – спасти жизнь незнакомцу. Там, в доме, Роман прикончил киллера. Ну что ж, бывает, торжествует справедливость наперекор планам Рока. Спасенный Алексей Стеновский доводился Юлу старшим братом. Колдун увез Алексея в Пустосвятово и спрятал в доме отца.

Но погоня быстро вышла на след беглецов. Уходить, уходить, – повторяли они наперебой. Тогда Алексей предложил поехать в Питер, где он когда-то жил и учился, где его – так уверял Стеновский – все еще ждала его первая любовь.

Лена... Она в самом деле ждала своего странного возлюбленного, ждала, разрываясь между надеждой и отчаянием, между любовью, которая никак не желала угасать, и естественным желанием быть счастливой. Да, она все еще любила Алексея, да только он был к ней равнодушен. Какое разочарование – после стольких лет узнать, что все мечты были напрасны! А тут явился Роман, и она бросилась колдуну на шею. О чем просила? Конечно же, как и все, умолявшие колдуна до сих пор, – помочь, спасти, устроить так, чтобы невозможное свершилось. Что такое колдовство? Всего лишь возможность для слабого человека стать сильнее, обрести надежду, поверить в себя, в свой дар... дар... У Лены тоже был дар, усиленный ожерельем. И дар чудесный, – она слышала чужие мысли. Дар этот был ее счастьем и проклятием. А ожерелье ей даровал Иван Кириллович Гамаюнов. Это имя впервые произнес Юл, теперь Романа приблизился еще на один шаг к тому, кто плел нити. Господин Вернон торжествовал. Нет, пока еще не над неведомым Гамаюновым, а над Алексеем, ибо своему давнему возлюбленному на день, или, вернее, на час Лена предпочла колдуна.

А тем временем опасность приближалась. С одной стороны, убийцы Александра Стеновского по-прежнему шли по следу, с другой – старый школьный приятель Алексея Ник Веселков оказался его смертным врагом. Цель у преследователей была одна – отыскать с помощью Алексея и его ожерелья путь к таинственному Беловодью. Беловодье, неведомый город счастья, который создал Гамаюнов. Ник, кажется, воображал, что в этом городе исполняются все желания. И, чтобы туда проникнуть, надо кого-нибудь убить. Хотя бы старого друга. Все это выяснилось во время вечеринки, на которой Роман так глупо повел себя во время драки, позволив смертельно ранить Алексея и на миг восторжествовать Веселкову. Потом появился Эд Меснер, они помчались в больницу и, наконец, прилетел вертолет и на нем – Надя.

Красавица, какой прежде Роману не доводилось встречать. Его избранница и повелительница.

Итак, он нашел друга – прежде у него не было друзей. Он встретил любовь, похожую на безумие, которая сделала его рабом. И узнал про город мечты, в который обычным людям путь заказан. Воистину такое можно увидеть лишь в колдовском сне.

Вода на веках высохла, и Роман очнулся.

Видения были здесь, рядом, лезли одно на другое и требовали: вспоминай, немедленно вспоминай!

*Надежда...*

Он помнил теперь ее имя.

Увидел в волшебном сне ее светлые волосы, ее ореховые глаза и влюбился вновь.

Колдун чувствовал себя полностью измотанным. Видения отнимали слишком много сил, как будто колдун на самом бежал, дрался и колдовал, вызывая к водной стихии.

Он спустился на кухню. Тина сидела у окна. Перед ней на столе остывали две тарелки с не слишком аппетитной яичницей – края подгорели до коричневой корочки, а бекон топорщился и норовил освободиться от пузырячатого белка. Что это с Тиной? Прежде она готовила куда лучше.

– Не хотела тебя будить, – извинительным тоном сказала Тина. – Как ты? Получше? Порезы не болят?

– Разогрей в печке, – попросил он.

Он спешно прожевал похожую на подошву яичницу – теперь она стала горячей, но окончательно задубела, – залпом проглотил обижающий кофе.

– Что дальше? Опять будешь спать?

– Вспоминать, – уточнил Роман.

– К обеду все вспомнишь?

Он отрицательно покачал головой:

– Только к ужину.

Зазвонил телефон.

– Ромка? Ты вернулся? – узнал господин Вернон голос Гавриила Черного.

– Пока еще не знаю точно.

– Приглашение на Синклит получил?

– Пока нет.

– Надо бы поговорить. Говорят, Медонос...

– Не сейчас! – отрезал водный колдун и швырнул трубку.

Поднялся к себе в спальню. Взял бутылку, сделал глоток. Почувствовал, как знакомая сила растекается по телу – морозными пальцами пробежала по коже, горячими – подтолкнула ток крови, взвихрила мысли, проникла в каждую клеточку.

Ему не обязательно было находиться подле, чтобы брать силу из своей Пустосвятовки. За сотни километров река его поддерживала и питала. Через дождь или туман чувствовал он свою реку. Когда из ручья или озера силу брал, все равно из своей реки в тот миг черпал.

Он облил веки пустосвятовской водой и вновь погрузился в

**ВОСПОМИНАНИЯ.**

Как в воду.

Он увидел Надю. Он говорил с ней и заключил договор. Колдун спасет Алексея, а взамен Надя сведет колдуна с Гамаюновым. Блефовал, конечно. Никогда Лешкиной жизнью Роман не заплатил бы за собственную прихоть. В принципе колдун был уже готов отказаться от соперничества с Гамаюновым за право плести нити. Но не за Надю. Ибо узнал вскоре, что и здесь они с неведомым хозяином Беловодья соперники.

В волшебном сне колдун вернулся на берега Пустосвятовки. Купание в реке и несколько листьев куги спасли Алексея. А Роман тем временем выиграл у водяного охранное кольцо с ноздреватым камнем. Кольцо это прежде деду Севастьяну принадлежало. Всю жизнь дед его вернуть мечтал. А досталось в наследство внуку волшебное кольцо.

Потом вновь Роман с новоявленными друзьями пустился в бега, а погоня – по их следу. Попытка обратиться к властям ни к чему не привела. Вернее, привела к тому, что власти сами решили их изничтожить и продали господину Колодину с потрохами. Оставалось одно: организовать ловушку, построить мнимое Беловодье, и пусть Колодин и его бандюги из кожи вон лезут, чтобы захватить гнилой сарай и лужу грязной воды.

И вот колдун на берегу реки. Чужой реки. Не Пустосвятовки. И с ним Надя.

Надя... Он помнил ее – каждый изгиб тела, каждый взгляд, которым она его одарила. Теперь помнил. Высокого роста, стройная, она отнюдь не казалась худышкой. Тонкая талия лишь подчеркивала высокую грудь и крутые линии бедер. Глаза орехового цвета. Светлые волосы, – она откидывала их назад, оставляя открытым гладкий высокий лоб без единой морщинки, волосы волной лились по плечам. Все красавицы, которых Роман встречал до, казались рядом с нею жалкими дурнушками.

Дерзкий со всеми, он испытывал перед нею робость. Самые простые слова в ее устах звучали как интимные признания. Сердце его сжималось, да так, что колдун не мог вздохнуть. Он лишь делал вид, что втягивает в себя воздух.

– Надя... – прошептал Роман и очнулся.

Почему так быстро?! Колдун тронул веки – они были сухими. Надо же, и особое заклинание не помогло в этот раз! Роман улыбнулся: можно хоть сейчас вернуться на речку и снова встретиться с Надей во сне, который так похож на явь. Замечательный сон! Зачем Роману реальность, если можно вновь и вновь переживать восхитительные минуты, заново обрести то ощущение счастья, которое переполняло его существо. Счастье, в которое невозможно поверить! А что если закончить воспоминания на этом моменте? Ибо та минута, как эпилог сентиментального романа, вмещала всю приторную сладость счастья, какое суждено ему отведать. Но роман о Романи не заканчивался на этих строках, а сладость пережитых минут не гарантировала даже их повторения. Но, вспоминая, вспоминаешь все.

Роман вздохнул: колдун не может быть в плену у собственного колдовства. Повторно видеть один и тот же волшебный сон запретно – иначе видения так и будут нестись по кругу, вновь и вновь он будет встречаться с Надей и предаваться любви на берегу реки, и с каждым новым кругом все труднее будет возвращаться в реальность. Роман Вернон знал немало колдунов, которых поглотили собственные видения.

«Ну и что! – сам себе он крикнул запальчиво. – Плевать на запреты!»

В самом деле, явь грязна и мутна, а в снах можно вновь быть счастливым и наслаждаться почти как наяву. Спать и видеть – один и тот же сон.

«Но в реальности существует настоящая Надя. Выходит, ты откажешься от нее?» – спросил он себя насмешливо.

Нет, конечно!

Нет и нет!

Роман вскочил. Спустился вниз, в кабинет. Открыл буфет и достал последнюю тарелку. На круглой черной столешнице она расцвела белой кувшинкой на глади лесного озера. Такие пышные сравнения ни к чему – мешают работе. Просто стол, тарелка, вода. Он налил пустосвятовскую воду из кувшина и положил на водную гладь ладонь. Мысленно представил Надю. Ее лицо, ее светлые волосы... Надя! *Надежда!* Колдун не искал ее, нет, он лишь вспоминал. Вода в тарелке отвердела, превратилась в лед. И в прозрачную ее неподвижность будто вмерзло

Надино лицо со светло-кариими глазами, с полуулыбкой на полных губах – такой насмешливой, дерзко обещающей, что она приводила в восторг и одновременно злила.

Роман вынул из тарелки Надино изображение и долго держал в руках созданный диск, любуясь. Диск был теплый на ощупь, а Надино лицо настолько живым, что, казалось, оно все время меняется, то становится грустным, то наоборот, улыбка явственней морщит губы. А вот Надя встряхивает головой, и светлые волосы рассыпаются по плечам.

Колдун отнес изображение в спальню, поставил на комод. Сидел и смотрел, любовался. Надя смотрела на него, улыбалась...

– Обедать будешь?

Роман вздрогнул, услышав вопрос. Обернулся. Тина стояла в дверях.

– Не знаю.

Он глянул на Тину с недоумением, будто видел в первый раз и не знал, зачем она здесь, и кто такая. Потом, опомнившись, улыбнулся, привлек к себе, откинул челку со лба, тронул губами кожу на виске и, скользнув по щеке, прикоснулся к губам. Но этот запоздалый поцелуй не смог сгладить неловкость. Роман невольно сравнивая Тину с Надей. И сравнение это было не в пользу Тины. Было вообще нелепо их сравнивать. Они не сравнимы. Та красавица, а эта – обычная девчонка.

А что если Надя, разглядывая Романа из-под ресниц, тоже с кем-то его сравнивала?

Тина почуяла недоброе, повернулась, глянула на диск с Надиным лицом, что стоял, приклоненный к стене на комод. Глянула и испытала боль внезапной и вполне оправданной ревности.

«Он тебя больше не любит!» – сказала сама себе. Призрак в этот раз не понадобился.

– Кто это? – спросила Тина дрогнувшим голосом. – Я ее прежде не видела. Здесь.

– Я ее только что вспомнил. Это Надя, – отвечал колдун. – Надежда...

Тина задохнулась от боли. И тут же между ней и Романом возникла преграда, невидимая, но явственная. Будто стекло.

– Кто она, эта Надя?

Роман не ответил. Ему просто нечего было сказать.

– Ты ее любишь?

Стекло слабо дзинькнуло, дробясь.

– Люблю. – Он полагал, что после такого признания говорить больше не о чем.

Но Тина считала иначе:

– Все-таки ты скотина. Надеешься, что я тебя прощу?

– Разумеется, не простишь. Я ведь не прошу у тебя прощения.

– Ах вот как! Ты еще издеваешься?! – Губы у нее запрыгали. И руки онемели – в этот раз обе. И стали как лед.

– Ничуть.

– Но я же люблю тебя! – выкрикнула Тина.

– Надя, давай не будем... – О, Вода-царица, Роман назвал ее Надей!

Эта оговорка ее добила. Еще за миг до этого она на что-то надеялась. Уверяла себя, что таинственная красавица – прихоть, блажь, не более чем стекло, одно изображение. Но теперь стало ясно, что надеяться глупо.

– Что ж мне теперь делать? Что прикажешь делать? Собрать вещички и идти?

Роман отрицательно покачал головой:

– Тебе некуда идти, и самостоятельно практиковать ты не сможешь.

Она пошатнулась, как от удара:

– Вранье! Я могу! Все могу! Вот увидишь! – Тина кинулась к себе в комнату.

Даже через коридор, сквозь стены Роман слышал, как она кричит в голос, задыхаясь от боли. По тому, как дрожали стекла в окнах, ясно было, что его неумелая ученица в ярости.

Надо пойти к ней и поговорить. Только что сказать? Как утешить? Впрочем, выход есть. И слова утешения не нужны.

«Радуйся, Тина, я могу творить чудеса!»

Колдун спустился вниз, на кухне отыскал хрустальный бокал, налил из бутылки пустосвятовской воды. Постоял, раздумывая. Никогда прежде он не пользовался этим заклинанием. Дед Севастьян остерегал: только если крайний случай. А как разобрать, крайний случай или нет? Но Роман не мог допустить, чтобы Тина страдала. Он почти физически ощущал ее боль. Колдун снял с мизинца серебряное кольцо с зеленым ноздреватым камнем и спрятал в ящик, чтобы не мешало в предстоящем. Потом прошептал заклинание. С помощью колдовства любая проблема разрешается быстро и просто. Даже слишком просто.

Роман поставил бокал на поднос и пошел наверх, ступая медленно, торжественно. Он шел к Тине, а думал о Наде. И улыбался так, будто в самом деле шел к Наде. Ступени деревянной лестницы скрипели на все голоса – каждая по-своему: одна испуганно, другая протяжно, третья приветливо. Роман не замечал, что лестница давно не метена и в уголках скопился сор. Он думал о Наде.

Едва он постучал, как Тина распахнула дверь.

– Чего тебе? – В глазах стояли слезы.

О, Вода-царица, как ей больно. Но это вполне поправимо. Колдун протянул ей бокал.

– Выпей. Это заговоренная вода. Твое чувство ко мне тут же испарится. Мы будем друзьями. Хорошими друзьями на всю жизнь.

Несколько секунд она смотрела на него остановившимся взглядом. Две слезинки сорвались с ресниц и покатались по щекам.

«Она милашка, – успел подумать Роман. – И фигурка ничего. Что такого...»

Тина ударила снизу вверх по подносу. И вся заговоренная вода из бокала выплеснулась в лицо колдуну. Это было посильнее, чем кислота.

Роман зашелся не криком, а хрипом, половина лица его вспучилась белым с лиловыми прожилками пузырем, а глаз вылез из орбиты и сделался мутен. Поднос и бокал еще летели на пол, еще Тина, окаменев от ужаса, бессильно хватала ртом воздух, а Роман уже катился вниз по лестнице. Он боялся, что потеряет сознание от рвущей лицо боли, и тогда уже навсегда, до самой смерти останется обезображенным и одноглазым. Колдун схватил бочонок с драгоценной водой, выбил пробку и налил пустосвятовскую воду в эмалированный таз. Тина сбежала следом.

– Роман, миленький... – Голос ее звучал откуда-то издалека. Заглушая все звуки, накачивал шурушащий невидимой галькой прибор.

«Сейчас потеряю сознание...» – подумал Роман, хватаясь за край стола.

Но превозмог себя и погрузил голову в воду. Боль сразу же стала таять куском льда в кипятке.

– Роман, миленький, я не хотела. Я же не знала, что это заклинание так подействует на тебя... я не знала... – металась по кухне Тина.

Он поднял голову. Пузырь ожога несколько спал, но глаз почти не видел. Лишь что-то смутное, неясное, не отсюда. Роман ощупал лицо.

– Так знай... – Колдун говорил невнятно – рот стянуло от ожога на сторону.

Он выплеснул почерневшую воду в раковину и наполнил таз чистой пустосвятовской влагой. Какое счастье, что у него было достаточно воды. А если б не было? Грязной водой уродство не смоешь. Ну что ж, говорят, уродам хорошо подают возле рынка.

Вновь погрузил голову в целительную влагу и стал дышать воздухом через воду. Вода в тазу пузырилась и кипела, желтовато-розовая пена выплескивалась на пол. Когда Роман наконец поднял лицо, в тазу плавали ржавые хлопья вперемежку с кровяными нитями. Колдун откинул мокрые волосы с лица и шагнул к зеркалу. Ожог исчез. Поврежденный глаз выглядел

почти нормально, только стал чуть темнее, белок покраснел, а веки лишились ресниц. Но это мелочи – краснота пройдет, ресницы вырастут. Роман зажмурил здоровый глаз. Второй видел, как прежде – только и воссозданную кожу на веках, и сам глаз сильно жгло.

– Ну как, все хорошо? – жалобно спросила Тина.

Она ожидала, что колдун обругает ее или... но Роман не сказал ничего.

– По-моему, ты сделался только красивее. – Тина заискивала. Готова была на что угодно, лишь бы он не прогонял ее. Ползать в ногах. Лгать, лебезить. Не станет же колдун силой гнать ее из дома!

Он ушел к себе в спальню и запер дверь.

– Роман, миленький, – она поскребла дверь ноготком, – что мне делать?

Он распахнул дверь, и Тина едва не упала. Роман обнял ее, привлек к себе и прошептал на ухо:

– У тебя есть дар. Держись за него, как за страховочный трос. Дар от всего спасет.

– Рома, так ведь я...

– Мне отдохнуть надо. Иди. – Он положил ей ладонь на лоб и прошептал заклинание. До следующего утра вся боль ее уйдет. А завтра... Нет, ей не станет легче. Но сама она немножко отвердеет под напором бед. Надо только эту первую ночь утраты пережить. Он и сам не знал, откуда это знает.

Сейчас Роман хотел уснуть самым обычным сном. Отдохнуть. Не слишком ли много событий с тех пор как он вернулся? Колдовской шок, потеря памяти, ссора с Тиной, ожог... И Надя... Надя! Он хотел ее видеть немедленно. Теперь, сейчас, и плевать на то, что между их встречей и днем нынешним пролегла временная полоса длиной в год. Ему нужна была Надя. Только она.

Нет, нет, о Наде не вспоминать, а то он не сможет уснуть, вновь начнет грезить наяву и окончательно измотает себя.

Роман заснул, будто провалился в темноту. Спал часа два. Проснулся и сразу вспомнил, что, кроме пережаренной яичницы, ничего не ел. Кажется, Тина обещала приготовить обед. Еще до того, как узнала, что он ее не любит. Впрочем, сейчас уже время ужина. Интересно, приготовила отвергнутая возлюбленная что-нибудь или нет?

Колдун спустился на кухню.

– Ну, чем ты меня угостишь? – спросил весело, как будто не случилось утром меж ними внезапной и страшной ссоры.

– Да, да, я сейчас!

Жаль, но ничего нельзя уже было изменить. Он не мог отказаться от Нади, не мог, и все.

Он помнил, как Тина в первый раз появилась в его доме...

“Нет, нет, – одернул Роман сам себя. – Не надо вспоминать *просто так*. Можно ошибиться. Я должен исследовать прошлое. Вернуться назад и все вспомнить. Это главное. Об остальном я не должен думать. *Не должен*”.

Ужин прошел банально. Роман что-то жевал, Тина спрашивала, вкусно ли. Он кивал в ответ.

– Роман, помоги, – вдруг сказала Тина, когда он закончил есть.

Он молчал. Не хотел отвечать. Но смилостивился и спросил сухо:

– В чем дело?

– Кто-то порчу на меня навел.

– Что?

Тина рассказала про встречу с Медоносом. Ну вот, оказывается, она уже давно знала про его измену. Знала, но не верила. Колдун взял Тинину ладонь в свою, сдавил немного так, чтобы образовалась в центре ложбинка и вода удерживалась в горсти. Несколько капель пусто-

святовской воды, заклинание, и влага устремилась к потолку облачком пара, и тут же на пол посыпались черные хлопья: больше призрак Медоноса не потревожит девичью память.

– Ты – самый сильный! – восхитилась Тина. – Сильнее всех на свете.

– Ты бы тоже могла, если бы учила заклинания. Завтра поеду на реку, – объявил он Тине.

– На чем? – спросила она. – Ведь ты назад без машины вернулся.

А ведь вправду: колдун уехал из Темногорска на «шестерке», ну а назад вернулся неведомо как – не то что машины у него не стало, но и денег, и одежды. Помнится, в снах Надежда и Стен твердили о городе счастья – о Беловодье. Кто знает, может, там все имущество и осталось?

– Во сколько утром автобус? – спросил Роман.

## Глава 4

### Волшебная река

Перед тем как выйти из дома, колдун умылся пустосвятовской водой, мгновенно изменив лицо. Не хотел он ни с кем говорить, пока не вспомнит, как все было.

С вечера его мучил один вопрос: где Надя? Почему не с ним, не рядом? Неужели Роман не сумел добиться ее благосклонности? Неужели?

Давненько господин Вернон не ездил в Пустосвятово на автобусе. Отвык. И от тряски, от грязи в салоне. Заснул внезапно. Самым обычным сном. Снилось ему, что идет он по берегу Пустосвятовки, а навстречу ему... Надя. Он вскрикнул и проснулся.

Автобус стоял в огромной луже на кольце в Пустосвятово.

«Я в каком-то тупике. В мешке. В темноте. Запутался. А что если деда спросить, как быть дальше?» – подумал колдун.

Ответит? Нет? Иногда Роману мнилось, что дед в трудные минуты в самом деле подсказывает. Или только казалось?

Пока Роман шел на сельское кладбище, тучи рассеялись, выглянуло солнце. Стало казаться, что кто-то бросает с неба пластинки золотой фольги. И они, повертевшись в сиреневом осеннем воздухе, стелились под ноги. Паутинка прилипла к щеке, потом еще одна.

– Что делать дальше? – спросил колдун вслух, блуждая меж покосившихся крестов и вросших в землю надгробий.

Прислушался, ожидая ответа. Высоченные березы лепетали что-то бессвязное. Но дед Севастьян не торопился отвечать. Может, и не было уже старого колдуна под тем надгробным камнем? Утек вместе с вешними водами к какой-нибудь реке и теперь проживает водяным, и на Романа сердится за его глупость. Прежде колдунов на кладбище не хоронили, а теперь всем дают приют – под любым надгробием одинаково покойно лежится. Дед просил похоронить его на берегу Пустосвятовки, да власти не позволили. Сейчас бы Роман сумел настоять, чтоб исполнили волю покойного. А тогда – молод был, не знал, за какие ниточки дернуть, кого припугнуть, а кого подкупить. Или неважным ему показалось тогда, где деду лежать? Со всеми в песчаном холме или отдельно – подле любимой речки?

Где те врата, в которые надо постучать, чтобы открылись все истины разом? Может, дед Севастьян знал, да забыл внуку тайну открыть.

Только вряд ли знал, – усомнился Роман. В дедовы времена это были двери какого-нибудь министерства или главка, двери шикарно отделанного кабинета, где сидел начальник с плоским лицом и рыбьими глазами, и подписывал бессмысленные, коверкающие чью-то судьбу бумаги. И очередная бумажка, медленно слетая сверху к самому долу, превращалась в очередной указ деду Севастьяну осушить Ржавую или Черную топь или перегородить реку Несмеянку, чтобы вода в ней разлилась окрест и стухла. Дед Севастьян только однажды в жизни побывал в таком кабинете, провинившись перед начальством тем, что не успел в назначенный срок известить очередное болото. Начальник, рассвирепев, хотел Севастьяну двинуть по физиономии. Но дед не дался и пустился удирать – кабинет был огромен, а Севастьян тогда еще не стар. Начальник – за дедом. Так и бегали они друг за дружкой вокруг исполинского стола с массивным бронзовым прибором, пока начальник не притомился, не плюхнулся на стул и не выдал длинную матерную тираду. Дед многократно рассказывал эту историю внуку. Ромка, будучи еще несмышленным мальчишкой, слушал и дивился – зачем это дед, зная о своем предназначении, о даре Повелителя Вод, избрал для себя столь изуверскую профессию? И однажды не выдержал и спросил...

Думал, что дед Севастьян смутится. Но ошибся. Ответ был заранее обдуман и тут же внуку дан: профессия мелиоратора к воде близкая, а дед и хотел быть подле своей стихии.

Лишь наделав немало бед, понял Севастьян, что ошибся в расчетах. Близость к избранной стихии не означает еще ей служения. Тогда бросил дед прежнее ремесло и поселился навсегда в Пустосвятово: речку свою беречь, для внука охранять единственного.

О реке Пустосвятовке Севастьян пекся как о родной дочери. Вернее сказать, куда трепетней. И деревья по берегам сажал, и сор с песчаных отмелей самолично выносил, и с директором совхоза покойным Завирушиным, пьяницей и матерщинником, бегал ругаться каждую неделю. Надеялся дед, что внук после его смерти сделается хранителем реки. Есть, конечно, в Пустосвятовке водяной – как не быть – но какой с зеленоволосого спрос? Водяной только пугать умеет, по воде ладонями шлепать или неосторожных купальщиков на дно утаскивать. Но народ нынче смелый сделался, кого шлепками да утопленниками испугаешь? Подвел Роман деда, уехал в Темногорск, оставил без присмотра реку, как и мать свою родную. Как же мог водный колдун так поступить?!

Роман так явственно слышал эти упреки, что показалось ему – дед сам с ним заговорил, будто живой. А может, и в самом деле – дед?

Могила Севастьяна Кускова была в самом конце кладбища – неухоженная, отмеченная двумя сросшимися березами; из травы едва выглядывал огромный валун – какой крест некрепленому? Роман с минуту постоял, глядя на поросший мхом камень, потом достал серебряную флягу и капнул на надгробие. Будто слеза стекла по ноздреватому камню, закатилась в трещинку и пропала.

– Деда, – шепнул Роман, склоняясь к могиле. – Просьба у меня к тебе есть – поговори со мной.

Глотнул Роман воды из серебряной фляги, лег. Свернулся на могиле калачиком, положил голову на камень, как на подушку, и заснул. И стало ему грезиться, что дед заскорузлой, натруженной ладонью по волосам его гладит и приговаривает:

«Вот же глупый ты, Ромка, глупый-преглупый».

И приснился живому колдуну на могиле сон.

Будто стоят они с дедом, как в прежние времена, на мосту; весна уже, солнце ярко светит, но люди еще в зимнем ходят – холодно, Пустосвятовка только-только ото льда вскрылась. Дед из корзинки в воду пряничных лошадок кидает. Но не помогают лошадки, не всплывает водяной на зов.

– Может, помер за зиму? – спрашивает Ромка шепотом. – Подо льдом задохнулся?

– Задохнулся! – передразнивает дед. – А кто ж тогда лед поломал?

– Сам собою.

– Глупый! Само собою на свете ничего не бывает. Само собою ничто не разбивается, никто не умирает, сама собою только глупость случается. Водяной на дне сидит, притворяется, что рассержен, чтобы мы ему гостинцев нанесли. Он у нас пряничных лошадок выманивает. Неведомая сила знаешь, что больше всего любит? А? Не знаешь! Любит она боле всего, как любая сила, чтобы поклонялись ей. Не обижай реку, Ромка, никогда не обижай. Тех, кто любит тебя, никогда не обижай.

– Это несложно.

– Несложно? – Дед хмыкнул. – Это очень даже сложно. Потому что прежде всего мы обижаем тех, кто нас любит. Тебе сейчас, Ромка, все кажется несложным. Ты жизнь представляешь, как полноводную реку, судьбу свою мыслишь челноком и надеешься, что течение тебя к неведомым берегам вынесет.

– Разве не так? – спросил Ромка.

– Нет, глупый, жизнь – это коридор, извилистый и грязный. И повсюду двери – в стенах, в потолке, под ногами. Люди вокруг спуют, в двери ломаются. Одна из дверей – твоя, только ты не ведаешь, какая. Другие тоже ничего про свои двери не знают. Дергают наудачу или бегут туда, куда уже кто-то вошел. И проходят мимо своей заветной, но запертой двери. А бывает,

явится какой-нибудь умник, объявит себя наибольшим колдуном и на двери замки навесит. Ты дерг за ручку, чувствуешь: твоя дверь. Ан нет, на ней замок ржавый, и ключа нет. Вот где ужас. И так всю жизнь: либо сидишь в коридоре у своей запертой двери, либо по коридору взад и вперед мечешься. Найдешь открытую дверь, сунешься, а там чулан. Либо кровавый, либо просто пыльный.

Роман прямо над рекой увидел этот самый коридор с дверьми. И одна дверь открыта. А за ней – удивительно яркое небо. Синь такая, что голова кружится.

В этот миг сон и оборвался.

Подсказка была в словах деда. Но какая?

Роман поднялся, отряхнул с куртки и джинсов засохшие былинки и опавшие листья, да и зашагал с кладбища.

Река вынырнула из-за домов, как всегда, внезапно. И хотя небо было светлое, голубое, река лежала серой стальной полосой, подернутая, как истлевшее железо, отвратительной ржой. Роман долго смотрел на темные воды. Река переменялась. То есть эта была прежняя река, все те же кусты по берегам и мост перекинут там, где река делала поворот, и плакучие ивы купали ветви в бегучей воде. Но что-то неуловимое угасло. Будто свет прежде шел от реки. А теперь не стало.

Неужели? Нет, не может быть...

Роман прошел вдоль берега.

Детский лепет слабой волны, утекающий под черноту моста, сменился бессмысленным шепотом сумасшедшего, где слова отделены друг от друга не островками молчания, а трещинами пустоты. Вода сделалась бездушной, напоминая не стихию, а осколки бесчисленных зеркал, собранные вместе и брошенные в мягкое речное ложе.

Река умерла? Но Роман чувствовал там, в глубине, биение жизни. Никто бы не уловил, но водный колдун обмануться не может.

И тут он догадался. Вспомнил сон, лошадок, дедовы слова... Обиделась река, обиделась, что целый год господин Вернон не появлялся.

Колдун подобрал камень и швырнул в темную заводь возле моста. Едва плавно разбегающиеся круги успели замереть, как вода забурлила, поднялись из студеного нутра пузыри стайкой, потом еще один поднялся, большой, лопнул, и от него побежала к берегу волна. На поверхность с громким чавкающим вздохом вынырнула голова водяного, со спутанными зелеными волосами. Кожа клочьями свисала с его щек. Состарившись с ущербным месяцем, водяной не омолодился вместе с новой луной и теперь походил на древнего старца.

– Никак живой! – изумился Роман. – А я думал – сдох ты в этой чахлой водице.

– Наследство пришел получать? – не слишком любезно отозвался хозяин Пустосвятовки.

– За помощью к тебе пришел.

– С чего ты взял, что я тебе помогать стану? – огрызнулся водяной. – Ты мне столько раз пакостил – я со счета сбился. Обыграл меня в прошлый раз – всех сокровищ, которые я полвека копил, лишил. И после всех твоих подвигов я угождать тебе стану? Как бы не так! По твоему, господин Вернон, больше не будет!

– Кажется, ты забыл, что речка у нас с тобой на двоих одна.

От такой наглости водяной потерял дар речи. Минуту или две он лишь открывал и закрывал беззвучно лягушачий свой рот.

– Это моя речка! – заорал он, когда голос наконец прорезался, и зашлепал по воде ладонями, как начальник по своему столу. – Ты к моей собственности не примазывайся! Ты, колдун, цельный год не появлялся.

– Ладно, поговорили, как всегда, дружески. Теперь я купаться буду. А ты вылезай из реки. Живо.

Роман достал скальпель и полоснул по руке. Кровь пролилась в воду и зашипела, пузырясь.

– Ты чего? – изумился водяной.

Колдун торжествующе улыбнулся.

– Вылезай, – повторил он, – а не то живо сварись. Ну!

– Зря ты это. Видишь, что со мной стало. Ты не краше вылезешь. Если, конечно, сумеешь. Можешь и на дне остаться.

Колдун рассмеялся:

– Да, обиделась она сильно – видишь, какое кипение. Река – она как женщина. Обиделась, что ее бросили, теперь мстит. Ну, ничего, помиримся. Случая такого не было, чтобы я у женщины милости не выпросил. И у реки выпрошу.

Роман сбросил куртку и рубашку, потом снял джинсы.

– Сумасшедший, – вздохнул водяной. – Через минуту кожа с тебя чулком слезет. Сожжет река, как пить дать сожжет! И мелкой косточки не останется, пена одна красная будет о берег биться.

– А может, и нет. Это ж *моя* река. Услышит добрые слова, голос мой узнает, и смилостивится.

– Женщина? Держи карман шире!

Водяной наконец выбрался на берег, волоча за собой мешок с добром. Не все сокровища, оказывается, в прошлый раз выиграл у него в кости водный колдун. Прибеднялся водяной, как всегда.

Роман шагнул к самой воде, опустил ладонь на поверхность. Кожу будто огнем опалило.

– А теперь, милая, мириться будем, – проговорил господин Вернон с усмешкой. – Ты ведь знаешь, что дед Севастьян прежде мелиоратором был – то есть речной душегуб и пытатель. Путь ручейка, которым ты начинаешься, хотел переиначить и в речку Темную направить. Но тут я родился. Дед Севастьян заговорил воды на спирт целую бочку, пили ту воду всем поселком по такому случаю. За то деда с работы выгнали. Так что только благодаря мне ты течешь. Не злись, милая. Ведь я тебя люблю.

– Ты мне об этом никогда не рассказывал, – вздохнула Пустосвятовка.

– Да как-то не было случая. Дед ведь всем говорил, что сам, по собственному желанию с работы ушел. Кто знает, может, так все и было: и нарочно дед пьянствовал и буйствовал, чтобы его с работы выгнали, другой его судьбу изломал и перерешил.

– Хорошо? – спросила река.

– Теперь хорошо.

– А ты вредный, – ласково плеснула вода.

Протекла быстрая струйка возле щеки, будто ладошкой погладила. Ластится.

– Да, вредный, – отозвался колдун. – Но учти, я тебя не бросал и никогда не брошу.

– Врешь.

– Тебе – никогда.

Роман лежал на дне и смотрел, как блики света играют на поверхности.

Они вновь были вместе – колдун и его река.

– Знаешь, я испугалась, – призналась она. Теперь можно было во всем признаться. – Прошлой осенью перед самым ледоставом явился один тип противный-препротивный, хотел огнем меня жечь.

– Реку – огнем? – усомнился колдун.

– Колдовским огнем, – уточнила она. – Все, думала, сейчас дохнет, и не станет меня, сгину, умру. То есть русло останется, влага в нем – тоже. А я – исчезну. И такой на меня ужас напал. Такой ужас... ужас... – Река заплескала, переживая заново прежний страх, закрутились

мелкие водовороты, и там, на поверхности, побежала волна и ударила в сваи ветхого моста. Затрещала древесина, ахнула от ужаса спешившая за покупками в магазин тетка, ухватилась за ветхие перильца. – Но заклятия твои устояли, не смог огненный колдун ничего сделать. Не смог. Ушел. А я... я вдруг на тебя обиделась – ужас как! За то, что тебя в тот момент рядом не было. Должен быть, а не был. Не был... Этот тип явился и грозил огнем, а я одна... – Река все цедила обиду. – Одна-одинешенька. Без тебя. Льдом закрылась до самого дна. Всю зиму тряслась, а когда по весне лед вскрылся, так страшно было. Страшно, страшно, страшно, – повторяла река.

– Все в прошлом.

– Нет! Позавчера приходил на берег другой, куда сильнее первого.

– Тоже жег огнем?

– Нет. Я ведь мертвой прикинулась. С весны еще. Он лишь постоял, улыбнулся и ушел.

Обманула его.

– Кто он?

– Не знаю. Но боюсь. Страшно... страшно... страшно-о! – опять взволновалась вода.

– погоди. Успокойся! Я же с тобой.

– А где ты пропадал столько времени?

– В том-то и дело, что не помню.

Река знала, что колдун ей не врет.

– Так вспоминай поскорей!

– Пытаюсь. Знаешь, милая, я ведь в Беловодье был. Не уверен пока, но думаю, что посетил.

– Беловодье, – восторженно прожурчала река.

– Ничего мне не говори. Я сам вспомнить должен.

Она засмеялась. Счастливо, беззаботно:

– Вспоминай скорее. Я тебе помогу. Сколько хочешь силы бери, – мне не жалко. Всю бери без остатка: за год много накопилось.

– А порезы на груди заживить можешь?

– Нет. Чужая стихия. Нож огненный был.

– Такого не бывает. Водное ожерелье огненным ножом не режут.

– Значит, бывает. Вспомнишь – расскажешь. Бери силу, пей! Я ее целый год для тебя копила!

Сидя на берегу Пустосвятовки Роман непременно вспоминал домик из песка который построил дачник здесь на берегу много лет назад. Это было какое-то отдельное воспоминание, как фото, выпавшее из альбома, ни с чем не связанное, само по себе, необыкновенно яркое. Ромке было тогда лет пять или шесть, а мальчишку-дачника он не запомнил вовсе – кажется, тот был старше на несколько лет. Но сейчас Роман Вернон уже не мог сказать – на сколько.

Да, дачник был гораздо старше, но почему-то играл с малышами. На берегу Пустосвятовки из влажного песка сделал он изумительный домик – точь-в-точь настоящий. Два этажа, веранда, над ней мезонин, – так аккуратно и точно ни у кого из местных не выходило: крылечки, ставенки, двери, окошки, – все было вылеплено с тщанием и любовью. Особенно поразила Ромку веранда. В ней было три окна, и в окнах – ажурные переплеты.

Неожиданно Ксанка подскочила к домику и ножку подняла – растоптать. Дачник успел ее оттолкнуть. С другой стороны кинулся Матвейка, но и он не преуспел. Создатель домика метался, защищая свое сокровище, а мелюзга кидалась на него с визгом и гиканьем. Ромка бросился на Матвейку, вдвоем они покатались по песку. Но Варварин племяш был куда сильнее – будущему знаменитому колдуну тут же расквасили нос. Кому первому удалось прорвать оборону, Ромка не видел. В памяти осталось только, что сначала растоптали веранду, потом

из-под чьей-то ноги фонтаном брызнул песок и запорошил Ромке глаза. Когда мальчишка проморгался, растер по лицу песок, кровь и слезы, домика уже не было. А потасовка продолжалась.

Много раз после этого приходил Ромка на берег, пытался построить домик из песка, такой же красивый, как прежний. Но ничего не выходило: песок рассыпался под пальцами, не желал подчиняться.

Потом Роман вырос и переехал в Темногорск, на улице «Героев труда», в народе именуемой Ведьминской, он увидел тот самый дом. Два этажа, веранда, окна с резными наличниками и со ставнями. Только дом был не из песка деревянный. И на столбике распахнутой калитки ветер трепал мятый листок с карандашной надписью наискось: «Продается». Роман зашел почти автоматически: в кармане у него лежало двадцать баксов и какая-то мелочь рублями, на проезд в автобусе хватило бы.

В доме пахло сыростью, повсюду преуспевали в своих трудах пауки. Когда-то натертый мастикой пол был затоптан грязными башмаками, все комнаты, кроме одной пусты. В квадратной комнате, уютной и светлой, с выходом прямоком на второе крыльцо, громоздились узды и коробки. Женщина лет сорока в дешевом китайском пуховике высчитывала что-то в столбик на бумажке.

– Сколько? – спросил Роман.

Женщина взглянула на него мельком.

– Продано уже.

– Сколько? – повторил он.

– Пятнадцать тысяч. В баксах, разумеется.

Сумма по тем временам была громадная.

Роман потрогал стену, погладил обнажившийся из-под порванных обоев венец сруба. Дерево было удивительное, еще хранящее частицу жизни. Дом дышал.

– Через неделю принесу двадцать тысяч, – пообещал Роман. – Жди.

Женщина хотела возразить, но он шагнул к ней, плеснул на макушку водой из серебряной дедовой фляги, шепнул заклинание.

– Жди, – повторил.

– Хорошо, – согласилась она и медленно порвала бумажку, исписанную мелкими циферками.

Роман никому никогда не рассказывал, где достал двадцать тысяч долларов за неделю.

Но достал.

На обратном пути Роман заглянул к матери. Дом оказался неухоженным. Пес, вместо того, чтобы сидеть в будке на цепи, бегал по улице. Отощал бедняга, шерсть висела ключьями. Калитка была сорвана с петель и валялась на земле.

«Да что ж такое!» – изумился колдун, и сердце часто заколотилось.

Взбежал на крыльцо, постучал. Никто не отозвался. Постучал в окно. Тишина.

– Уехала Марья Севастьяновна. – Тетка в платке и ватнике остановилась у забора.

– Давно?

– По весне. Вишь, как участок зарос. Ворюги окно в комнате пытались разбить и залезть, да старые заклинания дом берегут. Сильная была колдунья!

– Куда уехала? – спросил Роман.

– Не сказала. Верно, в дом престарелых ушла жить. Все дети нынче одинаковые, укатят в город, веселятся, водку жрут, а о стариках не вспомнят. Бросят, как собак подзаборных. – Тетка сплюнула в сердцах и ушла.

Роман открыл дверь, – колдовской замок был его собственный. Скрип пошел по всему дому, как стон. Колдун обошел сени, комнаты. Все было, как в те дни, когда мать еще проживала в доме: ничто не укрыто, не собрано. Лишь окутано серыми паучьими вуальками. Пахло

сыростью – печь давно не топилась. Роман огляделся и заметил на столе фотографию, придавленную толстым томом поваренной книги.

Колдун взял фото. Старинная фотография на твердом, как дерево, картоне. Коричневый теплый оттенок. Девочка в платье с оборками, в ботиночках со шнуровкой на ступенях усадьбы с белыми колоннами. На обратной стороне карандашом было написано: «Дед Севастьян считал, что она не умерла». Почерк был Марьи Севастьяновны.

Роман спрятал фотографию в карман. Вышел. Установил колдовской замок. К отцу с Варварой заходить не стал. Не мог, а почему – и сам не знал.

В Темногорск Роман вернулся, когда уже смеркалось. Вышел из автобуса, огляделся и торжествующе хмыкнул. Сила его переполняла. Такая сила, о какой он никогда прежде и не помышлял. Он будто со свидания шел. И он был почти всемогущ.

«Надя, Надя», – заклинанием вертелось в голове. И реку теперь он тоже называл Надей. Река, в отличие от Тины, не обижалась.

– Роман Васильевич! – окликнул его мужской голос.

Господин Вернон оборотился. Возле газетного киоска стоял Михаил Евгеньевич Чудодей, глава Синклита Темногорских колдунов. Выглядел он, как и год назад: на вид лет пятьдесят, очки с толстыми стеклами, смешной рыжий паричок на макушке. На самом деле Михаилу Евгеньевичу было уже семьдесят шесть. Но колдуны живут куда дольше обычных людей.

Тут только Роман вспомнил, что после купания забыл изменить внешность. А теперь лицедействовать было поздно. Пришлось поздороваться.

– Наконец-то вернулись, – продолжал Чудодей. – Я к вам сегодня заходил, да дома не застал. Вы обещали год назад воротиться, но, как я гляжу, подзадержались. У меня к вам разговор очень важный. Пройдемтесь со мной, все объясню.

Роман отрицательно мотнул головой:

– Занят сейчас.

– Дело срочное. Вам опасность грозит. Нешуточная.

– Как-нибудь справлюсь! – У него есть река, так чего водному колдуну опасаться?

– Ваше право. Может, заглянете ко мне вечером?

– Это с радостью. В котором часу?

– Да хотя бы к одиннадцати приходите. Только будьте осторожны. Очень прошу. Самонадеянность – это глупость. Опасно нынче. Я вам подробно все расскажу. А теперь спешу к Слаевичу. Жаль, что вам некогда.

И ушел.

О каком деле говорил Чудодей? На какие опасности намекал? Про нынешнее положение в Синклите Роман не ведал. За год многое могло случиться. Темногорск – город непредсказуемый.

Колдун посмотрел на часы. Еще только половина пятого. Хорошо, в одиннадцать он зайдет к Чудодею. А сейчас колдун должен заглянуть по одному адресу...

Юл. Мальчишка, которого господин Вернон избрал себе в ученики, которому даровал ожерелье. И хотя Роман прежде, чем начать действовать, хотел вспомнить все, что приключилось за минувший год, в этот раз он позволил себе отступить от заранее выработанного плана. Только заглянуть на минуту, увидеть Юла, сказать, что вернулся и...

Роман нажал кнопку звонка нужной квартиры. Никто не открыл. Колдун позвонил вновь. Чувствовал – там кто-то есть. Кто-то, но не Юл. Ожерелье отозвалось бы. А тут – тишина, молчит водная нить.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Мне нужен Юл Стеновский.

Послышался лязг открываемого замка, на пороге появилась женщина. Русые с проседью полосы, серая кожа, плотно, в ниточку сжатые губы.

– Кто вас послал? – Хозяйка смотрела с подозрением.

– Юл дома?

Она оскалилась, будто собиралась укусить:

– Его похитили.

– Кто?

– Говорят, колдун какой-то. Давно этими жуликами заняться пора. Но всем плевать. И ментам – тоже. Твердят, Юл сам убежал из дома. Искать никто не хочет. А что я одна могу? Вы-то кто?

– Из школы, – соврал Роман. – Зашел узнать, что и как.

Она вся подобралась:

– Ах, из школы. Год не интересовались, а тут вспомнили. Вы, собственно, что преподаете?

– Рисование, – брякнул Роман, хотя с этим предметом у него всегда были проблемы.

– Черчение у него, черчение! – выкрикнула женщина. – А ну вали отсюда, придурок, пока я ментов не позвала!

И захлопнула дверь.

Из всего сказанного одно следовало: Юл в Темногорск не вернулся. За целый год о нем не было никаких вестей. Где мальчишка? Что с ним? Роман не ведал. В одном он не сомневался: женщина говорила правду. Юла дома не было.

Птенец, выпавший из гнезда, исчез.

Тина всем своим видом изображала раскаяние. Еще в прихожей Роман почувствовал аппетитный запах.

– Что на обед? – спросил Роман.

– Борщ. Котлеты. Жареная картошка.

– Такая же подгоревшая, как яичница?

Тина заискивающе хихикнула:

– Нет. Картошка лучше.

– Что ж, проверим. – Не слишком романтично. Зато сытно. А колдун после купания оголодал – жуть.

В этот раз Тина не ударила в грязь лицом. Котлеты были обжарены до аппетитной корочки, картофельная соломка подрумянена, опять же в меру. Ну, а борщ... О борще Роман ничего сказать не мог, потому что проглотил мгновенно, даже не распробовал. Кажется, борщ был отличный.

Роман любил Тинину стряпню. Из всех ассистенток, что появлялись в его доме, Тина одна умела прилично готовить. Может быть, поэтому и задержалась так долго.

– Роман Васильевич, – голос девушки дрожал, – Можно мы... – Она запнулась.

Он смотрел на нее, ожидая продолжения краткой, но очень трудной фразы.

– Можно я... мы... друзьями останемся.

Колдун ответил не сразу, закончил есть, отложил вилку, промокнул губы салфеткой.

– Разбудишь меня в десять, – сказал вместо «спасибо».

Но эти слова значили больше чем благодарность: он позволял ассистентке остаться после ее нелепой выходки. Более того, это значило, что ей доверяли. Ибо, грезя наяву, колдун становился совершенно беспомощен.

– Роман Васильевич, я ведь не знала...

– Разбудишь в десять, – повторил он.

Взял бутылку с водой, ушел наверх, сел на кровать. И замер. Он вдруг понял, что боится вспоминать. Потому как не просто вспоминал, а проживал заново все недавнее. И там, в темноте прошлого, которое в одно мгновение исчезло, притаилось что-то мерзкое, страшное, и Роман приблизился к *этому* почти вплотную.

– Не трать! – приказал сам себе и плеснул на веки водою.

И погрузился в  
ВОСПОМИНАНИЯ.

О, Вода-царица! Как хорошо было минуту назад! Как был Роман счастлив, позабыв, что Надя умерла. И вот он вновь ее утратил.

Роман лежал на песке. Съежившись от страха и глядя, как кружится в воздухе сосновая хвоя, осыпаясь с ветвей. Лесное кладбище. Холмы желтого песка, кресты с табличками-номерами над захоронениями бомжей и свежерытая могила, предназначенная для Романа.

Немало сил понадобилось колдуну для того, чтобы от купания в реке, через все схватки с Колодинской бандой протащить ниточку воспоминаний к той минуте, когда он потерял все. То есть потерял Надю.

Господин Вернон, казалось, превзошел себя. Он устроил Колодиным, отцу и сыну, ловушку, он создал мнимое Беловодье, призрак посреди леса, из двух сараев и ямы с водой. Он заставил бандитов поверить, что это и есть их цель, загадочный город мечты, где все желания исполнятся мигом. Огонь пылал вокруг водной преграды, но не мог ее поглотить. Роман спас всех ребят, пришедших из подлинного Беловодья, как требовал Гамаюнов. И вот награда – мертвое тело Нади у него на руках. Жена Гамаюнова – его возлюбленная. Его любовь, убитая Колодиным. Колодин, убитый водой. Алексей Стеновский, прозревающий будущее. События калейдоскопом вертелись в памяти Романа.

В колдовском сне Роман вновь держал мертвую Надю на руках, вновь пытался вдохнуть жизнь в еще теплые губы. Он не верил, что любимая умерла, хотя ладони его были липкими от крови. Но Роман все твердил: «Посмотрите, какая она красивая, вы только посмотрите, какая она красивая. Она лежит мертвая, но какая красивая...»

Кто-то коснулся его плеча и разорвал тонкий покров воспоминаний.

Роман сел на кровати, глядя в пустоту расширенными безумными глазами, еще видя свой сон наяву и не понимая, что происходит. Рядом с кроватью стояла Тина и трясла его за плечо.

– Во время *колдовского сна* меня нельзя будить! – крикнул он, проводя ладонями по лицу и силясь прийти в себя.

– Ты же сам просил. Десять часов уже.

Роману казалось, что он умер, но душа почему-то осталась в теле. Он мог чувствовать, мог дышать, мог говорить. Только о чем колдуну говорить теперь?

– Что с тобой? – спросила Тина. – На тебе лица нет.

– Надя умерла – прошептал он. – Я теперь вспомнил, что она умерла.

– Бедный ты мой! – Тина обняла Роман и заплакала.

Гладила его по волосам и все приговаривала: «Бедный мой, бедный!»! Как будто она тоже знала Надю и любила ее. – Чаю выпьешь? С печеньем. Я сама испекла.

– Пора идти. – Колдун отстранил ее и спешно поднялся.

Боялся услышать в голосе Тины радость.

Но не услышал – и был ей благодарен за это.

Зачем призывает его Чудодей, Роман не знал. У Чудодея была манера – пригласить к себе члена Синклита якобы для важного дела и неспешно беседовать с ним о том и о сем, час беседовать, два и три, порой до утра. И все за чаем. А поутру Чудодей скажет: «Что-то мы

заболтались с вами, друг мой». Идет колдун домой в недоумении – зачем звали-то? Но, если Михаил Евгеньевич приглашал, никто не отказывался. Глава Синклита – есть глава Синклита. Впрочем, не об этом даже речь. С Чудодеем побеседуешь, будто в Пустосвятовке искупаешься, душой согреешься. И вроде не говорит он ничего особенного, чай пьет да тебе подливает, и сам ты ерунду всякую ему рассказываешь, а на душе становится покойно так. Чай у Чудодеев самый обычный, заварен, правда, всегда хорошо. И вот чары особенные, ни у кого во всем Темногорске таких чар больше нет.

Дернулось ожерелье на шее. И кольцо, что надел господин Вернон перед уходом, сдвинуло мизинец. Опасность! – просигналили колдовские обереги. Да поздно! Здоровенный тип выскочил из прорехи в заборе и кинулся к Роману. Колдун успел взять нужный настрой прежде, чем нападавший схватил его за руку и вывернул кисть. Изгнание воды! Не помогло: человек вскрикнул, будто обжегся, но руку не выпустил. А с другой стороны уже второй в руку вцепился.

«Колдованы!» – мелькнуло в мозгу.

О, Вода-царица! Если колдованы, если сразу двое, то ни за что не отбиться.

– Обруч давай, скорей! – голос у говорившего был хриплый, будто изъеденный ржавчиной.

Роман инстинктивно рванулся, пытаясь освободиться. Но чисто физически он был не так уж силен. Дар же его не мог с этими двумя сладить. Что-то случилось с колдовской силой водного колдуна. Будто мир вокруг исказился, и сила уходила в сторону, не туда, куда направлял ее Роман.

От двоих было не отбиться, а тут еще третий шагнул из темноты и надел какую-то железяку колдуну на голову. Что это было – пленник не разобрал. От неизвестного предмета растекалась опасная, обжигающая сила. Водная нить ожерелья задергалась, торопясь предупредить хозяина. Смертельная опасность! Защитное кольцо ожгло палец, боль устремилась вверх, к плечу. А от плеча к шее, к затылку, к вискам.

Эти трое были очень сильны. Одаренные от природы недюжинной колдовской силой, они намеренно сузили и обкорнали свой дар, зато многократно усилили его и отточили. К тому же за этими тремя явно стоял некто главный, он муштровал их и направлял.

– Потасили! – скомандовал Хрипатый.

Роман Вернон не сопротивлялся, он утратил контроль над собой и над своим даром. Чудилось, все в нем гаснет: не только колдовской дар, но даже мысли и чувства. Если сейчас лезвие ножа нырнет под ребра, колдун не сможет развеять сталь прахом. Но его не собирались убивать, во всяком случае пока. Двое заломили пленнику руки за спину и, довольные легкой победой, защелкнули на запястьях наручники, и повели. Теперь у Романа была минутка-другая, чтобы прийти в себя. Но сконцентрироваться не удавалось. Силы были, немислимые просто, – река одарила, – но обруч гасил любое усилие. Воля почти умерла. Роман не мог даже закричать.

По Дурному переулку его вывели на заброшенный участок, превращенный в свалку неподалеку от дворца Аглаи Всевидящей. Роман чувствовал исходящую от колдованов ненависть, так же, как и то, что в кармане Хрипатого лежит, источая отвратительный запах, пистолет.

– Ну как ошейничек, не жжется? – засмеялся Хрипатый. – Понял, с кем решил тягаться, сука! Просек, мразь? Ты – мразь... запомни это... – В устах колдована подобные слова звучали заклятиями.

Роман чувствовал, как железо сдавливает виски. Он пытался расплыть металл и не мог, напрягал все силы, произносил все ведомые ему заклинания – ничего. Проклятый обруч не поддавался. Роман вновь шевельнул губами. Последнее заклинание было против всех стихий, формула полного освобождения. И вдруг обруч стал распухать. Он раздувался и сдавливал череп. От нестерпимой боли Роман закричал.

– Эй, что он делает! – растерялся Хрипатый. – Стой, падла! Сам себе голову раздавишь! Прекрати, кому говорят!

Боль была такая, что Роману показалось – он сейчас потеряет сознание. Но не потерял, только перестал видеть. Все сделалось черным, и в черноте плавали красные и зеленые круги. Они вертелись, как обезумевшие колеса сломанной машины. Если бы водный колдун знал, как остановить разрастание обруча, он бы остановил его. Но он не знал больше ничего. Он все забыл.

– Идиот, думает, что обруч может скинуть! Хрен тебе! Никто не сумел! И у тебя кишка тонка! – кричал ему в ухо колдован.

Обруч все разрастался, одновременно и боль росла. Еще мгновение, и череп не выдержит. Ожерелье пульсировало на шее в такт толчкам крови. Если б не кольцо, Роман бы давно умер... Смерть... Нелепо...

Мелькнул свет – яркий, ослепительный, прожег на миг временную слепоту.

– Кого еще черти несут? – удивился Хрипатый. – По Дурному переулку проезд закрыт!

Колдованы кинулись в заросли лопухов, волоча за собою Романа. Машина поехала за ними, переваливаясь на колдобинах, вновь и вновь огни фар выхватывали из темноты убегающие фигуры. Роман споткнулся, упал, его не стали поднимать.

– Это ж «Форд»! – шепнул один из колдованов. – «Форд» Медоноса!

Медонос... Имя скользнуло, как солнечный блик по воде, и ушло на дно сознания.

– Неужто сам? – прошептал Хрипатый. – Придержи подонка, а я подойду, проверю.

Он направился к машине. Включенные фары слепили. Он сумел разглядеть лишь силуэт за рулем.

– Чем могу служить? – спросил Хрипатый, склоняясь к дверце.

Стекло было опущено – это все, что он сумел разглядеть. открытому окну машины. Удар в лицо отбросил его от машины, Хрипатый грохнулся на спину в пожухлые травяные заросли. Второй колдован рванулся к машине.

– Что-то было не так, но вот что? – сообразил этот второй.

Ну да, конечно! Где же знаменитый оберег Медоноса – золотой парящий диск? Знака не было. Обознались они, не Медоноса эта машина.

Тем временем Роман, брошенный на произвол судьбы своими похитителями, лежал на земле, не в силах пошевелиться. Обруч огромной раздувшейся жабой расселся у него на голове. Жаба была влажной и горячей. Но обруч не мог расти бесконечно... У Романа больше не было головы. И зрения тоже не было... Но он еще слышал... Или это галлюцинации? Будто кто-то хрипит рядом и стонет от боли. Но колдун не мог сдаться. Что-то не позволяло ему отступить. Что – он и сам не ведал...

И вдруг обруч лопнул. Грохнуло так, будто взорвалась граната. Осколки обруча полетели во все стороны. Тут же распались наручники. Несколько голосов вскричали разом. Колдун обнаружил, что стоит на коленях, сдавливая ладонями виски, – ему казалось, что вслед за обручем лопнет и голова. Кровь пульсировала, как сумасшедшая, и каждый толчок ее доставлял невыносимую боль. Но зато зрение быстро возвращалось. Уже смутно мог разглядеть колдун, что подле него по земле катается давешний мучитель – осколки обруча искромсали ему ноги.

Тот похититель, что направлялся прежде к машине, повернулся и кинулся бежать назад, к Роману. Но неведомая тень настигла его, слилась с беглецом мгновенно, а затем колдована швырнуло вперед, он крутанулся волчком и грохнулся, издав короткий булькающий звук. Что-то хрустнуло, ломаясь.

– Роман, что с тобой? – услышал колдун показавшийся знакомым голос.

– Воды... – прохрипел тот.

Спаситель вытащил из карману флягу и приложил к губам Романа. Вода! Не пустосвятская, но из серебряной фляги. Это походило на чудо!

Спаситель подобрал оброненный колдованом пистолет, потом подхватил колдуна под мышки и поставил на ноги. Роман качнулся, едва не упал, но сильная рука его удержала. Пришлось сделать еще глоток из фляги. Теперь колдун мог стоять на ногах и не креститься к земле.

– У вас что здесь в городе, очередная горячая точка?

– Стен! – всхлипнул Роман, наконец узнавая голос. – Как ты меня нашел?

– Твое ожерелье вопило о помощи на весь Темногорск. А что это за типы?

– Если б я знал! Фонарик есть?

При свете фонаря Роман осмотрел поверженных противников. Те двое, которых вырубил Стен, валялись без сознания. Третий, посеченный обломками, катался по земле и выл в голос от боли. Вокруг него на пожухлой траве блестели пятна крови. Несомненно, все трое были колдованами. Когда Роман тронул раненого, то руку довольно сильно обожгло – даже раненный, этот колдован еще мог защищаться. Господин Вернон брезгливо отстранился: как все истинные колдуны, он не любил этих недоучек. В принципе любой человек, наделенный даром, может стать и колдованом, и колдуном. Сила дара тут ни при чем – решающим являлось что-то другое, а вот что, никто из обитателей Темногорска не знал. Колдованы, независимо от силы таланта, заучивают два-три заклинания, в основном что-нибудь парализующее, подчиняющее, убивающее. Дальше этого они не двигаются – и не могут, и не хотят. Но своими нехитрыми заклинаниями пользуются умело, и даже опытному и очень сильному повелителю стихии не всегда удается сладить с одним колдованом. Одолеть троицу практически невозможно. Странно только, почему похитители не применили против Алексея свои таланты... Странно? Да нет тут ничего странного: обруч, включившись, не только полностью парализовал способности колдуна, но и все магические силы вокруг пленника нейтрализовал. Потому и увели Романа Вернона на пустырь, чтобы не задеть кого-нибудь из наделенных даром обитателей Темногорска. Так что в итоге все решила обычная физическая сила.

– Как хорошо, что ты драться не разучился, – заметил Роман.

– Так кто это? – повторил вопрос Стен.

– Колдованы. Больше ничего сказать не могу. Ни одного из них я не знаю.

Кто обучал этих троих – неведомо. Ясно, что кто-то из колдунов. Но в данном случае учителя не хвастались своими учениками. В Темногорск молодые дарования прибывали десятками, находили тайные тропки к нужному человеку, учились месяц-другой и уезжали зарабатывать зелень на сладкую жизнь. Многие из них добивались успеха. Работали они обычно под прикрытием опытного колдуна. Но иногда воры и чиновники брали их на службу. Большинство шустряков через год-другой, а то и раньше, внезапно утрачивали свой нехитрый дар и гибли мгновенно. Настоящих колдунов, за исключением двух-трех, колдованы терпеть не могли, и колдуны платили им тем же.

Роман подобрал несколько осколков лопнувшего обруча и положил в карман. Металл казался очень тяжелым – куда тяжелее стали.

«Свинцовые они, что ли?» – подивился водный колдун.

– Ладно, уходим, эти двое пускай здесь валяются, а раненого берем с собой. У тебя есть, чем его связать?

– Скотч подойдет?

– Вполне. А бутылка минеральной воды найдется?

– Есть. Но почему не всех троих?

– Нам бы одного до Чудодея довести, чтобы пленный по дороге нам голову не открутил. А трое точно вырвутся. Попробуем одного расколоть.

Они расстались вчера, но при этом не виделись год. Между тем мигом, когда Роман сел в джип, чтобы мчаться в Беловодье, и нынешней встречей лежала черная полоса беспомыслия.

С другой стороны казалось, что прошло лет пять. Во всяком случае, Алексей Стеновский сильно переменялся. Хотя одевался как прежде – светлый костюм, на брюках стрелки заутюжены, белая сорочка, неброский галстук с темным узором. Светлые волосы по-прежнему по-мальчишески взъерошены. Но теперь больше походило на маску, лишенную возраста. Похудел Стен так, что скулы грозилась прорезать кожу. И эта непривычная заостренность черт, и восковая истонченная кожа, не тронутая загаром, невольно наталкивали на тревожные мысли.

– Не ждал! Честно сказать, не думал, что свидимся, – признался колдун, садясь вместе со своим спасителем в машину.

– Я тоже, – отвечал Стен.

Роман усмехнулся: дружба их прежняя была весьма странной – некая помесь смертельной вражды с побратимством.

– А кто тебе ловушку устроил? – спросил Стен. Видно было – спрашивает, а сам думает о чем-то своем.

– Не знаю. Я чуть не окочился. Но все ерунда. Я сильный. Как кот. У него девять жизней. И у меня наверняка столько же.

Радость от победы – а Роман все же разорвал обруч, и, значит, победил, радость внезапного освобождения хмельным теплом разливалась по телу. И пусть тепло это было поверхностным, оно все равно согревало и веселило.

– Поверни-ка направо, к дому Медоноса, – попросил Роман.

Машина вынырнула из Дурного переулка на Ведьминскую, потом вновь повернула на Преображенскую и здесь остановилась. Впереди маячили тесовые ворота Медоносова дома. Из всех колдунов только Медонос демонстративно возвел свои хоромы вдали от прочей братии. Над коньком, отбрасывая блики на крышу, крытую оцинкованным железом, висел в ночном небе огненный знак Медоноса – пытающий обруч. Роман смотрел на этот знак, и странное беспокойство охватывало его, совершенно непонятное и беспричинное, – так по реке в безветренную погоду идет мелкая рябь.

Пошел дождь. Водный колдун не помнил, вызывал он дождь или нет. Но капли исправно стучали по капоту. Можно собрать сейчас всю энергию воды в кулак, да и ринуться в атаку, пока Медонос не ждет. Ринуться очень хотелось. Но Роман сдержался. Он понимал, что подобная атака ни к чему не приведет. То есть ни к чему хорошему.

– Ладно, поехали дальше, – сказал колдун. – Вот здесь сверни. По Ведьминской будет семнадцатый дом. Там и остановимся.

Михаил Чудодей, прозванный за глаза Чудаком, возглавлял сообщество колдунов Темногорска уже скоро семь лет. Сам Чудодей был из породы колдунов не очень сильных. То есть бывали у него несомненные удачи, и даже взлеты. В прежние времена, когда колдовская практика не приветствовались, сумел из прочих выделиться и создать себе имя. Потом, когда колдунов повсюду развелось, как грязи, слава его померкла, практика сделалась весьма и весьма скромной. Но имя осталось. В том смысле, что имя осталось незапятнанном. Бывают такие люди – вроде бы ничем не замечательные, талантом наделенные не ахти каким, многим неудобные, но при этом никто и никогда не сомневается в их честности. Чудодей был из этой породы. Потому и поставили его во главе Темногорского Синклита. Знали: ничего он толком организовать не сможет, у властей милости не выпросит, и вообще Чудак он и есть чудак. Но при всем при том все эти семь лет колдуны жили мирно. То есть делали друг дружке мелкие гадости – не без этого – но чтобы крупно разругаться или открытую драку устроить – ни-ни. И власти опять-таки колдунов не донимали.

Дом у Чудака тоже был особенный. Во-первых, забор – совершенно несолидный, ниже человеческого роста, старый, покосившийся, калиточка вообще хлипкая, даже охранного заклинания не было наложено.

Когда Роман постучал в дверь, ему отворила молодая супруга Чудака Эмма Эмильевна, дородная, румяная, в пестром не по погоде легком платье и в шлепанцах на босую ногу. И то: в доме у Чудака было тепло, даже жарко. Повсюду в горшках, кашпо и даже в консервных банках росло что-то зеленое, ползучее, пышнолистное – сразу видно, без колдовских заклинаний не обошлось. Не иначе как Слаевич недавно побывал в гостях во время своего звездного часа.

– Слава Мастеру, Ромочка вернулся! – всплеснула руками Эмма Эмильевна. – Замечательно! Я к Тине все время говорила: не волнуйся, вернется твой гуляка, никуда не денется. Но она так переживала, бедняжка! Где ж ты столько времени пропадаешь? Мишенька искать тебя пробовал, да у него ничего не вышло.

– Где был, то – тайна! – Господин Вернон приложил палец к губам.

– Что-то плохо ты выглядишь. Бледнее обычного. Ничего худого, надеюсь, не случилось? Может, порча какая? В Темногорске за последний год на многих порча напала. И главное... – она понизила голос до шепота, – колдовство пошло кратенькое и худое. То есть сегодня заклинание наложат, а завтра оно уже слетает. А народу все больше и больше за помощью приезжает. Сумасшествие какое-то. Что делать-то?

– Михаил Евгеньевич велел зайти, – сказал Роман.

– Да, да, конечно, проходи, – засуетилась супруга Чудодея. – Мишенька на кухне сидит.

– Я с ассистентом.

– И ассистент пусть заходит. А у тебя, Ромочка, с колдовством все в порядке?

– Вроде как.

– Ну и слава Богу! Слава Богу! Я в церковь хожу, свечки Николе Чудотворцу ставлю, чтобы он Мишенькиному дару помог устоять. Я и за тебя свечку поставила.

– Так я не крещеный.

– Ну и что? Я за всех молюсь, кто мне по сердцу, всем помочь прошу.

Они прошли не в кабинет, а на кухню, где глава темногорских колдунов пил чай. Заслышав в прихожей голоса, он криво нахлобучил на макушку парик и водрузил на тонкий хрящеватый нос очки. Опять же криво. Для встречи гостей Чудак надел новенькую полосатую пижаму.

– Роман Васильевич, ну наконец-то! Я уж и чай цейлонский заварил собственноручно, вас поджидая. А вы все нейдете.

– Ассистент мой Алексей Александрович Стеновский, – представил друга Роман.

– Очень приятно. – Чудак привстал, протянул гостю узкую ладонь.

– Я вас помню, – сказал Алексей. – Мы как-то к вам с отцом заходили. Очень давно.

– Я вас тоже помню, – кивнул Чудак. – Это очень даже хорошо, что у вас, Роман Васильевич, теперь ассистент. Потому что... знаете ли... время опасное. Устроили свои спешные дела?

– Раскидал помаленьку.

– Я ведь не просто так вас на чай зазвал. Плохие дела в Темногорске творятся. Кто-то над нашими колдунами власть хочет взять. Все уже предупреждены, кроме вас. Вот, как видите, сижу, жду. А не пришли бы – сам бы явился утречком. С Матюшей пошел бы гулять, и к вам. Дело-то нешуточное. Не склока какая-нибудь и не дебаты по вопросу, можно ли на госслужбу колдуну поступать или нельзя. – Чудак вдруг хлопнул ладонью по столу. – Вот, извольте узнать, до чего дошло! Обруч колдуну на голову надевают и в плен берут. Мне доподлинно известно, что нападений было уже как минимум три. Всех окольцевали. Потому как не отбиться – сила страшная в таком обруче. Кто за этим стоит, никому не известно. И я не ведаю. Подозревать тоже никого не подозреваю.

– И надолго в плен берут? – полюбопытствовал Роман.

– Сутки колдун сидит в обруче, испытывая страшнейшие мучения, потом его отпускают. Что тем пленением в колдовском даре нарушают, пока неизвестно. Я пытался разузнать, но без толку.

– Своевременное предупреждение, – усмехнулся Роман.

– Уже имели дело с... ними? – Чудодей вдруг сильно заволновался и едва не опрокинул чашку с чаем.

– Полчаса назад. По дороге к вам мне на голову как раз такой обруч три колдована ладили. Я обруч тот разорвал. Вот, смотрите. – Господин Вернон положил перед Чудаком осколок. – Одного нападавшего мы с собой привезли.

Чудодей с опаской взял кусок чего-то черного, повертел в руках.

– Сила-то ушла. Теперь не распознать, какое заклятие было наложено. Говорите, один колдован с вами?

– В машине у меня сидит. Без сознания, – сообщил Стен.

– Его осколками посеколо, да еще я заклинание неподвижности на него наложил, – уточнил Роман.

– Тогда попробуем узнать, кто за ними стоит. Ведите его сюда, на кухню.

Колдован уже очухался. Если бы не парализующие заклинание, он бы давно скотч разорвал и ушел. Но заклинание его полностью парализовало – спеленатый скотчем, пленник походил на бревно, даже вдвоем на кухню затащить его было нелегко. Пленника усадили в угол на старенький диванчик. Он привалился к подушкам и смотрел прямо перед собой. Взгляд у колдована был ничего не выражающий, будто обращенный внутрь.

– Вы его знаете? – спросил господин Вернон у председателя Темногорского Синклита.

– Клянусь «Мастером и Маргаритой», не знаю, – заявил Чудодей. – Надо попробовать его допросить, – предложил он не слишком уверенно.

Впрочем, двум колдунам одолеть одного колдована ничего не стоило. Вот только что обозначать этим словом – «одолеть»? Уничтожить – да, пожалуйста. А вот переколдовать – вряд ли.

Чудодей стал готовиться к сеансу – снял и парик, и очки, вытащил из шкафчика над газовой плитой растрепанную старинную книгу. Он долго листал страницы, читал, бормоча, и соловел от собственного бормотания. Чудодей был книжным колдуном в прямом смысле этого слова. Вся сила его от книг бралась. И в книги же уходила.

– Ну-с, приступим, – сообщил Михаил Евгеньевич наконец и изобразил на лице и в голосе строгость.

Роман рванул с губ пленника скотч. Колдован глазом не моргнул. Тогда господин Вернон взял чашку с остывшим чаем, поболтал немного, шепнул заклинание и выплеснул пленнику в лицо. Тот закричал, будто в чашке был кипяток. Потом замолк и вновь уставился в одну точку.

– Поддается? – сообщил Чудодей. – Но только без боли, прошу. пытки Синклит запрещает.

Что колдован поддается, это господин Вернон тоже почувствовал. Причем очень быстро – куда быстрее, чем должен бы.

«Закольдован», – мелькнула у Романа мысль.

– Всех вас скоро к ногтю, – прохрипел колдован. – Всех. Развели кругом блядство, гады.

– И кто же нас будет прижимать к ногтю? – поинтересовался Чудодей.

– Есть кому. Пришел. Таких, как вы, постоянно надо в обруче держать, как собак бешеных.

Роман вылил воду из графина пленнику на голову.

– Твое имя...

– Мое... Сан-ня... Ку-ус...

– Кто тебя послал?

Саня беззвучно шевельнул губами.

– Кто? – Роман приложил камень перстня колдовану к щеке. – Кто?

– Он... – последовал ответ.

– Кто – он?

Колдован затрясся.

Роман повторил вопрос и сильнее вдавил перстень пленнику в щеку.

Губы допрашиваемого шевельнулись.

То, что случилось в следующий миг, было случайностью. Чудодей, чтобы лучше слышать, подался вперед. В результате обе волны колдовских посылов наложились и друг дружку усилили.

Из зеленого тусклого камня вдруг брызнуло синим и белым. Да так ярко, что все невольно зажмурились. Роман отшатнулся. Когда вновь открыл он глаза, то увидел, что от того места, где прежде касался щеки колдована перстень, бежит вверх тонкая трещинка – по скуле, к виску, по синеватой бритой коже... А вниз торопится другая трещина, соскальзывает под одежду. Колдована будто разрезало надвое. Тело вяло осело на подушки, и одна половина чуть-чуть сместилась против другой, оттого показалось, что Саня Кус соорудил дерзкую рожу незадачливым колдунам. Покрывало на диване из серо-коричневого вмиг сделалось алым. Дробно застучали об пол капли.

Если бы не скотч, которым связали колдована, тело его развалилось бы на две части.

– Вот же болото! – только и выдохнул Роман.

– Невероятно, – пробормотал Чудодей. – Я, признаться, никогда такого не видел – чтобы заклинание на правду человека убило.

Он закрыл книгу, по которой читал заклинания, зачем-то погладил обложку, потом покачал головой, будто никак не мог поверить в случившееся.

– Ну вот, мы его и раскололи, – хмыкнул господин Вернон. – В прямом смысле этого слова.

– Шутки у тебя, как у Шварценеггера. – Стен был больше всех потрясен увиденным.

– Ну, хоть чем-то я на Терминатора похож, – огрызнулся Роман.

– Роман Васильевич, у вас оградительный талисман? – спросил Чудодей.

Господин Вернон осмотрел кольцо. Все было как прежде: серебряная оправа, ноздреватый камень...

– Да, конечно, – ответил водный колдун.

– Откуда ж тогда это пламя? Вы видели?

– Холодное пламя, – уточнил Роман.

– Так откуда?

– Не знаю.

– А-ах! – Эмма Эмильевна именно в этот миг появилась в дверях.

Чудодей бросился к ней и подхватил, потому как при виде окровавленного колдована она стала валиться навзничь.

– Эммочка, это ничего, ничего, – повторял Чудак, уводя супругу с кухни.

И вовремя. Послышался хруст, будто жук-короед закопошился в деревянных балках – это крошился череп колдована под напором неизрасходованной колдовской силы.

Чудодей вскоре вернулся, поглядел на мертвого, вздохнул:

– Сильно хозяин парня скрутил. Какие-нибудь предположения у вас хотя бы есть?

– Имеются. – Роман мстительно усмехнулся. Вновь боль вернулась, и закололо виски. –

Колдованы упоминали имя Медоноса.

Чудака это не впечатлило.

– Обманка. В прошлый раз ваше имя мне называли, Роман Васильевич. Но я не поверил.

– Шестое чувство вам ничего не говорит?

– Шестое чувство мне говорит, что это совсем не то, чем кажется на первый взгляд.

– Представьте, мне тоже.

Чудак вновь взял в руки осколок обруча. Повертел. Потом произнес заклинание и подбросил. Осколок завис в воздухе, потом медленно опустился на стол.

– Колдовской силы в нем больше нет. Но и следов хозяина – тоже. Может, Роман Васильевич, вы через обруч на них сможете выйти? Попробуете? – Чудодей вернул осколок Роману. – Вы ведь, господин Вернон, очень сильный колдун.

Роман пожал плечами: в данном случае он совсем не был уверен в успехе.

– Я все хотел спросить, Михаил Евгеньевич, кто эти три колдуна, что подверглись нападению и не смогли отбиться?

– Двое просили держать их имена в тайне. А третий не скрывает происшедшего. Так что я могу назвать его. Это Слаевич. Сегодня днем с него обруч сняли. Я, как только про такое узнал, к нему сразу направился.

Роман хмыкнул:

– Толку от этого признания чуть. Слаевич – спонтанный колдун. И чтобы узнать, как обруч на его силу влияет, надо ждать звездного часа. А когда у него бывает звездный час, никому не известно. Даже самому Слаевичу.

– Я уже об этом думал. И все же он может сказать примерно, когда звездный час ожидается. Так вот, Слаевич сообщил мне, что в ближайшие дни наступит, – поведал Чудак. – Вы, Роман Васильевич, за собой понаблюдайте – не оказал ли обруч на вас какого-нибудь особого воздействия?

– А другие что говорят?

– Ничего. Клянутся, что никак обруч на них не подействовал. Врут, конечно. Зачем надевать на колдуна обруч, если никакого действия тот не производит?

– С трупом что делать? – Роман покосился на тело.

Нос и лоб колдована провалились, зубы, наоборот, торчали вперед. Один взгляд на изуродованное тело вызывал тошноту.

– С милицией я разберусь, – пообещал Чудодей. – А Вам, Роман Васильевич, с властями лучше не общаться. И так они уже примеривались, как повесить на вас тот мумифицированный труп, что на пустыре нашли. Да только им никак обвинение не сформулировать. А сейчас очень даже просто. Так что не надо вам с милицией встречаться. Ведь знаете, как бывает: где колдовская сила бессильна, там реальная власть может так приложить, что потом на всю жизнь колдовать разучишься. Я на вас, Роман Васильевич, большие надежды. Жаль, молоды вы.

– Что ж тут жалеть? Старым еще буду.

– Вот что, идите теперь отсюда, а я заклинание на колдована наложу. Чтоб трупное ооченение дольше не проходило. Время смерти сместится. А вы скорее домой, для алиби. Идите, идите! – Чудак почти вытолкал гостей в дверь.

Водный колдун, уходя, побрызгал вокруг из серебряной фляги, чтобы собаки след не могли взять.

Чудак стоял на крыльце, наблюдал, как гости садятся в машину. Или следил за тем, чтобы никто их больше не видел – прохожим и проезжающим глаза отводил?

– Крепкий получился чаек, – усмехнулся Роман. И опять в голове у него зазвенело. А перед глазами поплыл туман – темно-синие и бледно-серые полосы вперемежку. А поверх и наискось вдруг брызнуло алым, и во рту появился привкус крови. Ожерелье дернулось. Роман затряс головой, пытаясь прогнать видения. Туман исчез, зато мир стал медленно вращаться.

Алексей вдруг высунулся из машины.

– Михаил Евгеньевич! – крикнул он. – Собаку на улицу не водите гулять!

– Что? – не понял тот.

– Пса своего по утрам не водите гулять. Пусть сам по двору бегаёт.

– Так забор щелястый. Матюша все время на улицу удирает.

Чудак ушел в дом. Хлопнула дверь. Несколько мгновений друзья сидели молча. Стен – положив руки на руль, но, так и не заведя мотор, Роман – сжимая ладонями виски, пытаюсь унять проклятое верченье.

– Когда? – спросил колдун, и его замутило.

– Не знаю. Наверное, скоро.

Все вдруг кончилось – и верченье, и тошнота, и даже привкус крови исчез.

– Давай, мы у него собаку украдем, – предложил водный колдун.

– То есть как?

– Да просто. Украдем, и все. У меня на участке забор хороший, не сбежит. Я вернусь в дом, скажу, что мне нужна его колдовская книга для поиска, а ты прокрадись в гостиную: собака у Чудака в комнатах живет, на диване в гостиной спит. Хватай ее и назад. – Роман вытащил серебряную флягу Стена, шепнул пару слов. – Первым делом брызни на нее, она тогда гавкать не будет.

– Ты не мог заговорить воду так, чтобы псина к тому же не кусалась? – Алексей поморщился, когда колдун надавил на рану. Укусов было три. Очень вредная попалась собачонка. Хотя и маленькая. Сейчас она прыгала в кладовке, то и дело обрушивая на пол кастрюли и ведра, и, по-видимому, гавкала. Беззвучно.

Роман облил раны пустосвятовской водой и наложил исцеляющие заклинания.

Без пиджака, в рубашке Стен выглядел, как ходячий скелет, будто под тканью не было плоти – одни кости. Вообще Алексей сильно переменялся, и не только внешне. Роман запомнил его бунтарем. Сейчас в бунтаре чувствовалась обреченность.

– Зачем нам французский бульдог? – спросила Тина, заглядывая в кабинет. – Роман, тебе животные помехи на колдовство дают.

– Мой друг не может жить без собаки. – Колдун подмигнул Алексею. – У него с песьей породой ментальная связь.

– У тебя опять аллергия начнется! – Ее интересовал только Роман, его дар, его болезни и слабости. – Надо пса во дворе держать хотя бы.

– Во дворе этот пес жить не приучен. И потом – он всех клиентов перекусает.

– Я предупредила! – Тина повернулась и ушла к себе.

Алексей не спросил, кто она и кем колдуну приходится. Роман сам ничего не стал объяснять.

Колдун принес с кухни из холодильника бутылку с пустосвятовской водой, поставил на стол два стакана. Они так и сверкали, натертые полотенцем – Тина постаралась. В доме теперь царил идеальная чистота, что прежде случалось редко.

Роман долго разглядывал кольцо с зеленым камнем. Оно должно было предупреждать о колдовском нападении и защищать. Предупредить-то оно предупредило, но поздно, а защитило тоже не слишком хорошо. Но никакого дефекта в своем обереге колдун не чувствовал. Значит, причина странного поведения кольца была в чем-то другом.

Но в чем, Роман понять не мог.

А потом еще эта вспышка синего огня. Ведь это Роман своим кольцом ненароком колдована разрезал.

– Заговорить воду? – предложил колдун. – Захмелеешь, как от сорокаградусной.

– Можно, – согласился Стен.

Роман произнес заклинание, сдвинул стаканы и обвел на каждом мизинцем невидимый волшебный ободок. Вода, через тот ободок переливаясь, становилась дурманящей влагой.

– Ну, чтобы нам как от водки хмель в голову ударил, – проговорил колдун.

Остаканились и в самом деле захмелели. Хотя пили чистую воду.

– Я ведь знал, что тебя нет в Темногорске, – признался Алексей. – А позавчера вдруг увидел, будто наяву, как ты в лесу лежишь на палой листве. До этого как подумаю о тебе, так один туман. Клубится и рассеиваться не хочет. Пробриться пытаюсь – не получается, в стену упираюсь. Юл с тобой?

Роман отрицательно покачал головой.

– Как нет! Где же он тогда?

– Потом расскажу. Сначала о тебе.

– С ним все в порядке? Как лицо?

– Лицо как лицо. Прыщи появились, – соврал колдун для убедительности. Потому как не ведал, о чем Алексей толкует.

– Не надо было его с собой брать, – вздохнул Стен.

– О себе говори. Как Лена? – спросил Роман.

Безмятежно так спросил, будто не было ничего меж ними, а только чистейшая дружба, обманчивая, как эта вода в стакане.

– Хорошо, – выдохнул Стен таким тоном, будто хотел сказать: «Все плохо и хуже не бывает».

– Поссорились? – не поверил колдун.

Он вообще мало чему верил, и уж меньше всего этому невыразительному «хорошо» – отговорке, слову, утратившему силу.

Стен отрицательно мотнул головой.

– Она месяц назад родила. Сын у нас. – Он сообщил это бесцветным голосом, будто говорил о чужой жене и о чужом ребенке.

– Теперь ясно, почему у тебя такой кислый вид, – хмыкнул Роман.

Ситуация понятная: Стену по какой-то причине трудно сказать правду, и он просит: отгадай, чародей, ну что тебе стоит. Но при этом внутренне так замкнут, что простой интуицией не пробить защиту. А мысли колдун читать не умеет. Вот если б Лена была рядом... Но Лена со своим даром сейчас далеко.

– Пеленки, распашонки, купания, питание и плач по ночам. Угадал? Тут всегда скандалы. А сейчас я скажу, как ты назвал сынулю. Спорю на сто литров «Смирновки», что ты нарек его Казимиром.

Стен усмехнулся:

– Насчет имени ты в яблочко. А вот насчет пеленок и распашонок – не совсем. Все получилось, как ты предсказывал.

«Здрате!»

Что такое Роман предсказывал? Что Стен с Леной поругаются? Так ведь будущее – это по части Алексея, господин Вернон никогда предсказаниями не баловался. Или, может, это не Лешкин ребенок, а его – Романа? Колдун прикинул. По срокам не получалось. Мысль об отцовстве пришлось отбросить.

– Помнишь, как ты советовал мне перестать заниматься проблемами мироустройства и начать думать о малом? – спросил Стен.

– Это как раз я помню, – с радостью подтвердил колдун.

– Вот я и решил, что буду жить по твоему совету. Работа, семья, и плевать на все на свете.

– Ну, не надо чужим советам следовать буквально!

– Я даже новости перестал смотреть.

– Помогло?

– Я ушел из дома три месяца назад.

– Ты спятил?!

И вдруг почудилось Роману, будто кто-то вцепился в его ожерелье. Так аккуратно пальчиками ухватил за водную нить и потянул. Потом сильнее дернул, будто хотел нить из ожере-

ля выдернуть. «Отхлынь!» – мысленно выкрикнул Роман и по пальчикам тем ударил. Стен отшатнулся.

Взгляд у старого друга-врага был совершенно ошалелый. Колдун провел ладонью по ожерелью, успокаивая водную нить. Та продолжала дергаться.

– Вампиришь?

– Ну да... Ты же сам говорил...

– Тсс... – Колдун приложил палец к губам. – О том, что я говорил, в чем прав оказался – ни слова! Или хана мне и дару моему тоже. Я все забыл: и что говорил, и что делал.

– То есть как забыл? – растерялся Стен.

– Напрочь. Как еще забыть можно? С того самого момента, как из Темногорска уехал, ничего в памяти не осталось. Темень. Вспоминать только-только начал. Нашу с тобой встречу уже восстановил, Юла, Лену, Надю помню...

– Давай, я все расскажу, – с готовностью предложил Алексей.

– Не смей! Я должен сам вновь свой путь пройти. Мне нужно-то дня два. Или три.

– Роман, о чем ты? Посмотри только!

Алексей сбросил рубашку. Вид у него был жуткий: ребра выпирали под кожей, живот запал так, что, казалось, прилип к позвоночнику. Но при этом Стен не казался больным – он двигался все так же уверенно и быстро. А недавняя драка на пустыре доказывала, что силен и ловок он по-прежнему.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.